

Х Р О Н И К А

МОСКОВСКОЙ ХЕЛЬСИНКСКОЙ ГРУППЫ

ежемесячный информационный бюллетень

№ 8 (80)

август 2001

Юбилей

Нам – пять лет

В июле 2001 года исполнилось пять лет со дня официальной регистрации Калужского регионального исследовательского Центра по правам человека (КРИЦ ПЧ) в областном Управлении юстиции. И хотя члены Центра занимались защитой прав человека задолго до государственной регистрации, факт пятилетия деятельности в официальном статусе приносит определенное удовлетворение.

Появившись из стихийно возникших при М. Горбачеве «Свободных профсоюзов», Центр принял за основу своей деятельности принципы и задачи догорбачевского диссидентского движения, которым следует в своей работе и по сей день.

На нелегком пути защиты прав человека у Центра за эти годы были значительные достижения и огорчительные неудачи.

В дни юбилея конечно же, хочется говорить об удачах, главной из которых является сплоченный коллектив единомышленников и энтузиастов, эрудированных и бескорыстных, с творческим подходом к любой задаче, сделавших своей целью защиту политических, личных и трудовых прав граждан, а также прав в сфере уголовного судопроизводства. В Уставе организации отдельной строкой записано: максимальное содействие выполнению обязательств Российской Федерации в области прав человека.

В рамках осуществления уставных задач членами Центра выполнена большая работа по защите прав человека и прав ребенка в Обнинске и районах Калужской области.

Всем памятны систематические задержки пенсий и пособий на детей в 1996 – 1997 годах. Но мало кто знает, что в то время пенсионеры и родители, получавшие пособия на детей, были сведены в общий «платежный» список. Оказывается так было удобно чиновникам, которых, как известно, раздражают лишние хлопоты. Но общие списки были неудобны получателям пособий, так как источники финансирования пенсионеров и родителей совершенно различны. В отличие от пенсий, деньги на выплату детских пособий поступали регулярно и в срок, но из-за того, что списки были «общие», выплату детских пособий задерживали до поступления пенсионных денег. Члены Центра обращались к представителям исполнительной власти, выступали в печати и на радио. В итоге пресловутые списки были разделены.

Сотрудникам Центра мстили за их правозащитную деятельность, подавали на них иски в суд, клеветали в печати.

В 1995 году Центр провел значительную правозащитную акцию по защите прав детей – тружеников тыла в годы Великой Отечественной войны 1941 – 1945 гг. Общеизвестно, что в годы войны в тылу использовался труд детей. Мы помним кадры военной хроники – фильмов, в которых мальчишки и девчонки, стоя на ящиках, работают на «взрослых» станках. А их деревенские сверстники помогали убирать урожай и пасти скотину – ведь армию надо было кормить.

В 1993 году Президент РФ Борис Ельцин издал указ, согласно которому пенсионеры, работавшие в годы войны в тылу, имеют право на повышенную пенсию. Казалось бы, указ президента ясен и понятен и имеет силу закона, но чиновники во все времена стремятся поставить себя выше закона, вот и сотрудники бывшего Министерства социальной защиты населения «сочинили» и разослали в подведомственные структуры собственное указание, которым произвольно вводили возрастной ценз для детей – тружеников тыла. Впоследствии после десятков изнурительных судебных заседаний выяснилось, что дискриминационное указание чиновники Минсоца даже не представляли на регистрацию в Министерство юстиции, как того требует закон, и рассылали свой подзаконный акт в нарушение Конституции РФ. К моменту, когда подзаконный акт был отменен, членами Центра была проведена огромная работа, выиграны десятки судебных исков, в результате чего пенсионеры получили законную повышенную пенсию.

В 1997 году Центр начал осуществлять программу мониторинга ситуации с правами человека в правоохранительной системе Калужской области. Тюремный мир – это, наверно, самая тяжелая и самая беспроблемная область нашей жизни. Но это не только тюрьма. До тюремных стен человек должен пройти судебную экзекуцию, которая порой бывает хуже смерти. Да и сама судебная система далеко не однородна, наряду с блестящими образцами высокого профессионализма в ней соседствуют поистине дикие судебные решения.

Калужский Центр по правам человека занимался защитой от уголовного преследования жителя села Чаусово Жуковского района Михаила Жерздева, который обратился в Центр с просьбой помочь ему в связи с необоснованным возбуждением против него уголовного дела. Общественный защитник от Центра – Елена Шепелева сумела доказать невиновность М. Жерздева (*«Хроника текущих событий» писала об этом деле в № 15(37), 1998 г.*). Теперь Михаил Жерздев – руководитель Жуковского отделения КРИЦ ПЧ. В начале года на свободу был отпущен другой потерпевший – Олег Юхин, невиновность которого мы сейчас доказываем в судебных инстанциях. Центр многое сделал для освобождения О. Юхина по акту помилования, подписанному президентом В.В. Путиным.

Одно из приоритетных направлений деятельности Центра – защита прав лиц, пострадавших от политических репрессий. Мы счастливы, что помогаем восстанавливать попорченную справедливость, пусть и спустя десятилетия. В 1998 году Центром было инициировано рассмотрение в Конституционном суде РФ жалобы гражданина РФ на несоответствие статьи 4 Жилищного кодекса РФ, запрещавшей приватизацию жилых помещений в семейных общежитиях, Конституции РФ. Конституционный суд признал жалобу правомерной, и теперь сотни тысяч людей получили право на приватизацию принадлежащих им комнат.

В 1996 году Центр выступил с инициативой о принятии местными органами власти постановления «О запрете изготовления, распространения и демонстрации нацистской символики». Обнинск последовал примеру Москвы и стал вторым в России городом, принявшим на своей территории антифашистское постановление. Вслед за Обнинском аналогичное постановление было принято Сухиничским муниципальным образованием.

В 1998 году в орган местного самоуправления Обнинска был избран зам. директора Центра Александр Морозов, который не только успешно представляет интересы горожан в Городском собрании, но и является народным заседателем в Верховном суде Российской Федерации.

Одним из существенных достижений Центра мы считаем официальную реабилитацию шведского дипломата Рауля Валленберга, которая явилась результатом многолетних усилий правозащитников, к которым мы имеем честь причислять сотрудников калужского Центра. Мы благодарим Александра Николаевича Яковлева, председателя Комиссии по реабилитации при Президенте РФ, оказавшего неоценимую помощь в этой работе. В случае с Раулем

Валленбергом спецорганы впервые вынуждены были открыто признать бесчеловечность коммунистической системы.

В 2000 году Центром была направлена первая из Калужской области жалоба в Европейский суд по правам человека в Страсбурге от имени гражданина России. Недавно ушла вторая.

Обо всем не расскажешь в небольшой журнальной статье, но важно, что за скупыми строчками стоят усилия небольшой группы людей, которых вдохновили высокие принципы свободного демократического общества, и отсюда их вера и решимость содействовать строительству в России общества граждан – людей, свободных и ответственных в своей жизненной позиции.

Мы благодарим всех, кто поздравил членов Калужского регионального исследовательского Центра по правам человека с пятилетним юбилеем и пожелал нам дальнейших успехов в правозащитной деятельности.

*Анна Пудова, Елена Лазарева,
региональный исследовательский
Центр по правам человека,
Обнинск*

Обсуждается в Москве

Законотворческий процесс в Государственной Думе

Двадцать девятый специальный выпуск

Проект осуществляется при поддержке Правозащитного центра «Мемориал»,

Института прав человека и Центра развития демократии и прав человека

Публикуется в сокращении

В выпуске: На правосудие не надейтесь; Уголовно-процессуальный кодекс: хотели как лучше; осталось как раньше; промежуточные выводы; Гражданско-процессуальный кодекс; Законопроекты группы Б. Козака: «О внесении изменений и дополнений в Закон Российской Федерации «О статусе судей в Российской Федерации», «О внесении дополнения и изменений в статьи 13 и 14 Федерального конституционного закона «О судебной системе Российской Федерации», «О внесении изменений и дополнений в Федеральный конституционный закон «О Конституционном суде Российской Федерации», «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»; Приложение: поправки С. Ковалева в проект Гражданско- процессуального кодекса.

На правосудие не надейтесь

В июне 2001 г. Дума приняла два новых кодекса: в первом чтении Гражданско-процессуальный кодекс (ГПК), во втором – Уголовно-процессуальный кодекс (УПК); в первом чтении – блок законопроектов о статусе судей, а также проект закона об адвокатуре.

Большинство этих новшеств, преподносимых как «судебная реформа», и отказ от всего репрессивного и тоталитарного, на самом деле ухудшает положение потерпевшего, подозреваемого, подследственного, делает их беззащитными. Наличие в правовом блоке отдельных прогрессивных положений почти ничего не меняет. Интересы власти по-прежнему не подчиняются приоритету прав личности. И это понятно: за проектами УПК и ГПК стоят ведомства, пусть даже борющиеся между собой (суды с прокуратурой, прокуратура с МВД), за изменениями в судебной системе – Кремль, добивающийся подконтрольности судебной власти. Академические же ученые, составляющие тексты кодексов, утешают себя «признаками равноправия», «чертами состязательности», радуются, что из уголовного процесса изгнана «истина по делу», предпочитая не замечать, что собранная ими по прежним схемам машина судопроизводства (применительно к уголовному процессу) будет по сути работать на изыскание все той изгнанной из текста УПК «истины».

Дума же чем дальше, тем больше превращается в легитимного «оформителя» спущенных сверху или разрешенных к введению инициатив. Так, проект УПК (а именно он является центральным среди судебно-правовых законопроектов) был бы обречен на более сложную судьбу и принципиальные изменения, не договорись разработчики с президентской

администрацией, не поддержки безоговорочно они все предложенные Кремлем поправки. А в них – все так называемые «улучшения»: и упразднение народных заседателей, и единоличное рассмотрение судьей дел по большинству тяжких преступлений, и обвинительная функция следствия, и благоприятные для длительного содержания подследственных под стражей процедуры, и сохранение ведомственного, в том числе военного следствия, и упрощенное судопроизводство («сговор о признании»), и уменьшение шансов на пересмотр в порядке надзора, и многое другое.

Уголовно-процессуальный кодекс

Новый кодекс принят 20 июня 2001 года в решающем втором чтении. Пока это еще не закон. Третье чтение должно состояться в сентябре.

В майский выпуск обзора (№ 26, см. Хроника МХГ. 2001. № 6) нами был включен довольно подробный анализ проекта, в три приема обсуждавшегося в апреле на парламентских слушаниях. После этого рабочая группа существенно переработала текст, частично улучшив его, а в отдельных разделах ухудшив. Из проекта исчезли некоторые очевидные несообразности. Тем не менее вывод ведущего эксперта-правоведа, автора модельной концепции УПК для стран СНГ, бывшего судьи Московского городского суда Сергея Пашина, сделанный им после анализа апрельского текста проекта, не потерял актуальности: проект УПК «не отвечает элементарным требованиям, предъявляемым к актам современного российского законодательства как с точки зрения концепции, так и ее воплощения, по содержанию норм и форме их изложения. ... Проблемность (упущение) правового регулирования уголовного судопроизводства сочетается в проекте с декларативностью норм,

игнорированием конституционных положений, в особенности посвященных неотъемлемым правам человека и гражданина. Принятие рецензируемого законопроекта способно лишь ухудшить нынешнюю ситуацию в уголовном судопроизводстве, уничтожить или исказить некоторые демократические обыкновения, которых придерживаются суды сегодня, сделать втянутую в орбиту судопроизводства личность еще более бесправной и униженной».

По словам же депутата Госдумы Е. Мизулиной, руководителя рабочей группы Думы по УПК, выходит так, что лишь коммунисты и защищающая ведомственные интересы прокуратура объединились против проекта. *«Наш вариант закона согласован со всеми заинтересованными ведомствами, министерствами и общественными организациями, в частности правозащитными»,* — говорит Е. Мизулина (общественно-политический интернет-сайт «Полит.Ру», интервью с Е. Мизулиной, 15 июня 2001 г.). И она уверена, что так и было на самом деле, хотя никто из представителей общественных объединений не был допущен к рабочей группе. Единственное, что удалось отстоять правозащитникам, общаясь с членами рабочей группы (в коридорах Госдумы), — это частичное восстановление в процессе защитника — не адвоката. В результате понятие «защитник» было оформлено во втором чтении таким образом: **«В качестве защитников допускаются адвокаты. По определению или постановлению суда в качестве защитника может быть допущен наряду с адвокатом, а в мировом суде и вместо адвоката, один из близких родственников или иное лицо, о допуске которого ходатайствует обвиняемый»** (ст. 49, ч. 2).

Между тем на примере этого пункта становится видна вся двусмысленность и противоречивость нового кодекса. Адвокаты «допускаются», а не-адвокат лишь «может быть допущен». То есть, не-адвокат может и не быть допущен решением судьи. Естественно, что критерии допуска «иного лица» никак в тексте не раскрываются, и суд получает право произвольно лишать человека конституционного и конвенционального права на защиту. Такое ограничение ухудшает положение обвиняемого по сравнению с действующим кодексом. Интересно, что на досудебной стадии, по словам авторов, они допустить общественного защитника «не решились», т.е. сознательно пошли на ухудшение положения человека, ограничение его права на защиту. Но, с другой стороны, по смыслу формулировки общественный защитник все же может, обратившись в суд, ходатайствовать о допуске и на предварительном следствии, и непосредственно после возбуждения уголовного дела. На практике такая неопределенность породит разночтения и споры, разрешать которые снова предстоит Конституционному суду (КС). Непонятно также (и это уже говорит об уровне мастерства авторов законопроекта), какую нагрузку несет в данном случае упоминание близких родственников, если тут же по тексту говорится о любом лице, допуск которого испрашивается.

Что касается потерпевшего, то до него в этой связи руки не дошли, как, впрочем, и во многих других процессуальных ситуациях. Представителями потерпевшего, гражданского истца и частного обвинителя могут быть (согласно проекту) только адвокаты. Лишь «при рассмотрении уголовного дела в мировом суде по постановлению судьи в качестве представителя потерпевшего и гражданского истца может быть также допущен один из их близких родственников или иное лицо, о допуске которого они ходатайствуют» (ст. 45, ч. 1). Таким образом, в суде общей юрисдикции потерпевший находится в худшем положении, чем обвиняемый. При этом если «в мировом

суде» к обвиняемому общественный защитник может быть допущен «и вместо адвоката», то к потерпевшему он «может быть также допущен», что следует понимать как участие лишь дополнительно к адвокату, т.е. как неравенство прав сторон.

Право на свободный выбор защитника предполагает и свободный отказ от защитника, за исключением случаев малолетства, инвалидности. Следовательно, ограничением этого права следует признать и расширение оснований (по сравнению с УПК РСФСР) необязательности для следователя, прокурора, суда — отказа подозреваемого, обвиняемого от защитника. По проекту защитник по назначению будет насильственно защищать подсудимого и в случае рассмотрения дела судом присяжных, даже если подсудимый считает, что адвокат выступает не в его интересах (ст. 52).

Приведем основные примеры того, чем новый, «демократический» УПК хуже действующего, «советского», причем это касается всех стадий судопроизводства.

Состав суда. Уже упоминались ликвидация института народных заседателей и единоличное рассмотрение судьей дел о преступлениях, максимальный срок наказания за которые не превышает 10 лет (ст. 30, ч. 1). По УПК РСФСР судьи единолично рассматривают дела по преступлениям со сроком наказания до 5 лет. По словам первого заместителя председателя Верховного суда (ВС) В. Радченко, которого вряд ли обвинишь в предвзятости к профессиональному судейству, *«отказ от института народных заседателей приведет к формированию чисто чиновничьего правосудия, полностью неподконтрольного населению, поскольку суд присяжных пока никак не выходит за рамки эксперимента, проводящегося в 9 судах России. Такое решение означало бы отступление от требований части 5 статьи 32 Конституции РФ»* (Судебная реформа в Российской Федерации. М., 1999). В комментариях Совета Европы (СЕ) к проекту первого чтения (где предусматривалось единоличное рассмотрение судьей дел со сроком наказания до 7 лет) также отмечалась «абсолютная неприемлемость» такого порядка.

Концепция судебной реформы, принятая Верховным советом РСФСР 24 октября 1991 года, действительно предусматривала отказ от суда с участием народных заседателей (шефшенов), но путем замены его судом присяжных, а не единоличным рассмотрением дел профессиональным судьей. По Концепции, никем, кстати, не отмененной, суды присяжных давно должны были быть не только в областных, но и в районных судах и рассматривать дела о преступлениях, наказание за которые превышает 1 год, а не только по особо тяжким преступлениям (принятая сегодняшняя практика, оставленная и в новом кодексе). Но принятый проект не только не расширяет компетенцию суда присяжных (географическое его распространение возможно и при действующем УПК РСФСР), но и вообще весьма изящным образом ставит под вопрос дальнейшее существование присяжных (несмотря на красноречивые заявления в прессе об обратном). Суть в том, что по проекту «О введении в действие Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации», принятому 20 июня во втором чтении, суды присяжных вводятся на всей территории страны с 1 января 2003 года, между тем старый кодекс, в том числе и его положения о суде присяжных, утрачивает силу с 1 января 2002 года. Таким образом, возникает как бы «технический» годовой перерыв, вполне затем пролезаемый при желании, желание же такое не исключено. Так, к примеру, в этом году законодателем отодвигается срок введения альтернативных мер наказания по Уголовному кодексу, несмотря на то, что законом о введении его в действие,

принятым несколько лет назад, предусматривалось начало применения обязательных работ, ограничения свободы и ареста с 2001 года. То же самое без больших проблем реализуемо и для присяжных – тем более через нынешнюю Думу. Вполне возможно, что для властей возникает просто удобный предлог избавиться от присяжных, давно рассматриваемых как помеха. Юридически это уже оформлено во втором чтении.

Дознание и следствие. Весьма показательно признание дознавателя и следователя стороной обвинения, чего нет в «репрессивном» УПК РСФСР. Таким образом, следователь не должен собирать оправдывающие доказательства и поэтому будет действовать исходя из своего обвинительного положения в процессе. Даже депутат и бывший прокурор В. Илюхин (КПРФ), выступая на пленарном заседании, резко отозвался об этом «усовершенствовании»: «Это чудовищное искажение, которое может вызвать тяжчайшие последствия. Следователь и дознаватель должны расследовать дело, собирать как уличающие доказательства, так и доказательства, оправдывающие подозреваемого, обвиняемого. Вот с этой концепцией следователь превратится в обвинителя, будут необоснованные репрессии». Такое изменение процессуального положения следователя и дознавателя – результат доработки проекта ко второму чтению, в тексте первого чтения они являлись просто субъектами осуществления уголовного судопроизводства.

Презумпция невиновности. В сравнении с УПК РСФСР (ст. 68), в котором невиновность не доказывается, а презюмируется, новый кодекс ухудшает положение обвиняемого, вводя необходимость доказывания «обстоятельств, исключающих преступность и наказуемость деяния» (ст. 73). Это прямо противоречит ст. 49 Конституции, согласно которой обвиняемый не обязан доказывать свою невиновность.

Преюдиция. Институт преюдиции расширен по сравнению с действующим УПК РСФСР: введена преюдиция ранее состоявшихся приговоров по уголовным делам (ст. 90). Хотя такие, ранее состоявшиеся по другим уголовным делам приговоры не предрешают виновность лиц, обстоятельства, установленные ими, признаются судом, прокурором, следователем, рассматривающими новое дело без дополнительной проверки. Таким образом, на словах отказавшись от пресловутого «установления истины», авторы проекта следуют той же идеологии и заходят еще дальше своих «репрессивных» предшественников. Обстоятельства, установленные неким приговором, являются для них абсолютной истиной, хотя признание в каком-либо уголовном процессе неких событий действительно совершенными – это только вопрос их доказанности, а никак не истинности. При таком подходе если некто не смог доказать свою невиновность либо оговорил себя и убедил в этом суд, то его «сообщник» – другой человек в другом процессе – фактически признается участником, возможно, вымышленных событий, что де-факто предрешает его вину.

Разъяснение прав. Если по ст. 123 УПК РСФСР «перед допросом подозреваемому должны быть разъяснены его права», то «либеральный» проект кодекса устанавливает обратный порядок: сначала от подозреваемого добываются «объяснения», а затем, после составления протокола, «разъясняются права» (ст. 92).

Участие общественности. В продолжение целенаправленного изгнания общественности из судопроизводства (см. 13-й выпуск обзора, Хроника МХГ. 2000. № 11) исключена мера пресечения в виде попечительства общественной организации (ст. 98). Это также ухудшает положение обвиняемого.

Арест. Судебный порядок ареста вряд ли повлечет сокращение числа узников следственных изоляторов. Впервые, сама судебная процедура, как она прописана в проекте, не регламентирована и отдана на откуп судьбе. Судья по ст. 108 проекта проверяет не обоснованность предъявленного обвинения, а «обоснованность ходатайства», т.е. формальные, «бумажные» основания. По мнению эксперта СЕ Стефана Трекселя, бывшего президента Европейской комиссии по правам человека, приведенному в официальном заключении ПАСЕ на проект УПК первого чтения, среди имеющихся оснований для применения меры пресечения «удивительно, что вообще не упомянуто одно важное условие – разумное подозрение, что это лицо совершило преступление» (Заключение СЕ, 2000). Другой комментатор СЕ Карой Бард указывает, что «из текста проекта неясно, что изучает судья, в какой степени он оценивает доказательства для принятия упомянутых решений» (из заключения на вариант первого чтения, актуального в данной части и в отношении проекта, принятого во втором). В заключении С. Пашина говорится: «К постановлению о возбуждении перед судом ходатайства об избрании заключения под стражу в качестве меры пресечения «прилагаются материалы, подтверждающие обоснованность ходатайства»; нигде нет ни слова о том, что эти «материалы» должны иметь силу доказательств. Необходимость избрания ареста в качестве меры пресечения не входит в число обстоятельств, подлежащих доказыванию. Нет ничего удивительного в том, что судья, решая вопрос об аресте человека, не допрашивает свидетелей, не исследует доказательства, а просто «заслушивает явившихся в заседание лиц» (Заключение на проект кодекса, подготовленное С. Пашиным для Независимого экспертно-правового совета).

В сравнении же с действующим УПК продление срока содержания под стражей до года производится по новому кодексу на том же уровне и тем же лицом, что и принятие первоначального решения об аресте: судьей районного суда (ст. 109). Таким образом, отменяется вышестоящий должностной контроль за продлением ареста: сегодня продление срока содержания под стражей до года осуществляется заместителем Генерального прокурора, до полутора лет – Генеральным прокурором (ст. 97 УПК РСФСР). Максимальный срок по «судебному порядку» дает судья областного уровня, а не председатель ВС, что соответствовало бы по уровням ответственности нынешней процедуре (то, что сегодня это делается формально, не дает оснований для уверенности, будто судьи будут вести себя лучше, чем прокуроры, – скорее наоборот).

Более того. После передачи дела в суд, в случае если местопребывание подсудимого неизвестно (независимо от того, имеет ли его отсутствие виновный характер), суд в любом случае, без ходатайства стороны обвинения и независимо от того, в совершении какого преступления обвиняется подсудимый, избирает ему меру пресечения в виде заключения под стражу (ст. 238). УПК РСФСР не знает столь страшной меры.

Допустимые сроки задержания до суда основаны в проекте на конституционных 48 часах. Между тем строгих указаний о немедленном освобождении лица начальником учреждения в случае нарушения этих сроков в проекте не содержится.

Ознакомление с материалами дела. По ст. 109 проекта человек знакомится с материалами дела, содержась под стражей бессрочно. В УПК РСФСР (ст. 97) для этих целей установлен максимальный срок – 6 месяцев. Возможности ознакомления с материалами дела после назначения судебного заседания, как предусмотрено ст. 236 УПК РСФСР, проектом не предоставляются (гл. 33). Потерпевший вправе

знакомиться с материалами уголовного дела «только в части, касающейся причинения ему вреда» (ст. 42), тогда как действующий кодекс таких ограничений не содержит.

Свидетели и доказательства. По действующему УПК РСФСР (ст. 223) ходатайства о вызове дополнительных свидетелей и истребовании других доказательств в ходе подготовительных действий к судебному заседанию подлежат удовлетворению во всех случаях. Проект ухудшает положение сторон, ограничивая это право лишь случаями, когда «это имеет значение для уголовного дела» (для истребования доказательств), и вовсе запрещает ходатайствовать о вызове дополнительных свидетелей со стороны защиты для установления алиби подсудимого либо его невменяемости, если эти ходатайства не заявлялись в ходе предварительного расследования (ст. 234). Таким образом, следствие получает возможность блокировать появление в суде невыгодных дополнительных свидетелей.

Взыскания. Гласность судебного разбирательства. Существенным образом увеличиваются денежные взыскания на участников судопроизводства в случае неисполнения «процессуальных обязанностей», («а также за нарушение порядка в судебном заседании»). Любое неприятное судье лицо, наблюдающее за происходящим в зале, может быть на месте оштрафовано в размере до 25 МРОТ (ст. ст. 117, 258). По УПК РСФСР (ст. 263) размер взыскания, налагаемого на нарушителей, не превышает одной трети МРОТ. В случае принятия нового кодекса граждане будут обходить суд за версту.

Надзор. Существенно ограничены возможности обжалования в надзорной инстанции. Сегодня осужденный (или потерпевший) может оспаривать судебные ошибки, обращаясь и в органы прокуратуры (к областному прокурору, к заместителю Генпрокурора, Генеральному прокурору), и в вышестоящие суды (вплоть до председателя ВС). По проекту же надзорная жалоба рассматривается единолично судьей надзорной инстанции, и только от этого судьи зависит возбуждение надзорного производства или отказ в удовлетворении жалобы (ст. 406). Если судья ВС отказывает в возбуждении производства, дальнейшее обжалование становится невозможным. Правда, предусмотрено, что председатель соответствующего суда, областного или Верховного (но не его заместители), может не согласиться с решением судьи об отказе в удовлетворении надзорной жалобы или представлением прокурора (представление прокурора заменяет теперь протест и приравнено к жалобе). Однако умалчивается, предполагает ли данная ситуация возможность повторного обращения заявителя к председателю либо председателю самостоятельно осуществляет контроль за рассмотрением судьями надзорных жалоб во всех случаях.

Участие Уполномоченного по правам человека. В УПК РСФСР есть отдельная статья «Ознакомление Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации с уголовным делом» (ст. 375-1), отсутствующая в проекте кодекса. Уполномоченный вообще исключен из надзорного производства. Поправка Хабаровской областной Думы о восстановлении права Уполномоченного, предусмотренного Федеральным конституционным законом «Об Уполномоченном по правам человека в Российской Федерации» от 1997 года, была отклонена без какой-либо мотивации.

Сговор о признании. Ухудшает положение привлеченного к уголовной ответственности введенный в кодекс «особый порядок принятия судебного решения при согласии обвиняемого с предъявленным обвинением» (глава 40). Это дополнение принято при грубом нарушении Регламента Государственной Думы,

так как противоречит концепции, утвержденной в 1996 году в первом чтении. Суть нововведения, как оно было предложено во втором чтении, в следующем: при «добровольном» согласии обвиняемого с обвинением, — в закрытом судебном заседании, «без проведения судебного разбирательства», и даже без обязательного присутствия подсудимого, — судья единолично (правда, в присутствии прокурора и адвоката) может выносить приговор и осуждать человека на срок до шести с половиной лет (т.е. до 2/3 от максимального срока по преступлениям, максимальное наказание за которые не превышает 10 лет). В США это называется «сговор о признании» и что очень понравилось разработчикам, пригласившим на парламентские слушания американского специалиста, рассказавшего, как удобно можно засудить на «небольшие сроки, до 7 лет» по очевидным (для кого?) делам. Фактически приговор по этой модели будет выноситься в кабинете судьи, после чего быстро осужденный, не томясь в СИЗО, отправляется в колонию. *При этом он лишается права обжаловать приговор по существу обвинения, с которым он однажды «добровольно» согласился.* Такой подход существенно облегчил бы работу следователям и судьям, хотя вряд ли совместим с гарантированным Конституцией состязательным судопроизводством.

Правда, в этом случае у разработчиков (а «сговор» был оформлен как поправка Президента) вышла серьезная осечка. Депутатом Владимиром Семеновым (СПС) эта поправка была поставлена на отдельное голосование с предложением ее отклонить, дважды голосовалась и не прошла.

Из выступления В. Семенова на заседании Госдумы: *«Это очень напоминает ситуацию, как был осужден Эдмон Дантес, граф Монте-Кристо, напоминает «тройки» 37-го года. Вы знаете, как у нас работают с заключенными в СИЗО: когда обвиняемого изобьют как собаку, многие возьмут на себя любой срок, чтобы избежать дальнейших физических мучений в СИЗО. По сути человек лишается права на суд, добровольно отказывается от своих прав. Государство не может этого допустить. Вот прав был В. Илюхин, который сказал, что это даст раскрываемость преступлений на 120 процентов».*

Из выступления Е. Мизулиной: *«Уважаемые депутаты, это поправка Президента Российской Федерации. Комитет поддерживает эту поправку. Более того, я скажу, что эта поправка никак не противоречит Конституции. Если следовать вашей логике, уважаемый коллега Семенов, то мы ни одной новой строчки при подготовке проекта ко второму чтению вносить не можем, а это не так. В первом чтении главный принцип концепции — это состязательность. Поэтому вот эта глава, «Особый порядок...», когда стороны не спорят и согласны, и вытекает из концепции состязательности. Ничего общего это с 37-м годом не имеет. Более того, вы можете посмотреть международный Римский статут Международного уголовного суда, где обосновывается, в чем правозащитный характер такого рода процедур. Здесь то, что предлагает Президент Российской Федерации, предусматривает не закрытый, а открытый порядок судебного разбирательства (неправда! — Л.Л.), и обязательно с участием государственного обвинителя, потерпевшего, защитника, и возлагает на суд обязательно проверить, осознает ли подсудимый последствия вот этой сокращенной процедуры, добровольно ли дал признательное показание и так далее...» (Как суд проверит осознанность и добровольность признания в отсутствие обвиняемого?!)*

Первое голосование: за «сговор» – 215 (для принятия нужно 226, на один голос больше половины списочного состава Госдумы).

Из выступления представителя Президента А. Котенкова: *«Вы понимаете, о чем идет речь? Ведь речь идет не о рядовой поправке, речь идет о целом разделе Уголовно-процессуального кодекса – об упрощенной судебной процедуре. Действительно, это новшество, вводимое в УПК по предложению Президента, оно согласовано со всеми заинтересованными ведомствами, оно действительно значительно упрощает судебную процедуру в том случае, если подсудимый сам согласен, ходатайствует о проведении такой процедуры...»*

Из выступления В. Похмелкина: *«Это вообще беспрецедентный случай: целый институт, который вводится только вторым чтением. Это означает, что мы даже поправки внести в него не можем. ... Да, есть, конечно, свои положительные стороны, безусловно. Но и очень опасные стороны есть тоже. Мы можем сократить число обвиняемых, находящихся под стражей, но число искалеченных людей мы можем при этом увеличить, потому что это согласие может выбиваться самыми дикими методами. Это опаснейший шаг инквизиционного процесса, и считаю, нельзя его так вот просто во втором чтении вводить, без широчайшего обсуждения юридической общественностью»*.

Из выступления В. Илюхина: *«Под эту сделку за одно совершившееся преступление может пойти человек, которому навешают десять-пятнадцать преступлений. Я вам еще раз хочу сказать: через полгода после введения кодекса с такой поправкой будут у нас раскрыты и взрывы домов в Москве ... и убийства, а квартирные кражи все будут раскрыты на 120 процентов. Очень опасное явление! ... Признание вины может требовать проверки еще более тщательной, чем что-либо. Почему признает человек себя виновным? Не было ли внешнего давления и так далее? Поэтому то, что нам сегодня навязывает Президент упрощенную процедуру, ну, простите меня, за два часа на семь лет знать людей в тюрьму – это очень опасно...»*

После возврата к голосованию, со второго захода «сговор» поддержал 221 депутат, не хватило 5 голосов.

Депутат Ю. Тен («Народный депутат») потребовал третьего переголосования. *«Это поправка о мелких сделках»*, – сказал он. Тогда слово снова взял В. Похмелкин.

Из выступления В. Похмелкина: *«Уважаемые коллеги, я вас очень прошу: не ставьте под угрозу весь Уголовно-процессуальный кодекс. И я обращаюсь к коллегам из центристских фракций. Это очень серьезный вопрос, требующий глубокого изучения. Давайте отложим его, посмотрим, изучим внимательно. Я очень боюсь, что, если эта поправка все-таки пройдет, вы ее продадите, многие депутаты из тех, кто против этой поправки, не будут голосовать в целом за проект...»*

Спасая положение, представитель Президента А. Котенков пошел на радикальный компромисс и предложил проводить упрощенную процедуру только по делам о преступлениях, наказание за которые не превышает трех лет. С такой редакцией согласились и В. Похмелкин, и В. Илюхин, и в целом палата. Затем поправка о замене 10 лет тремя годами была принята. И, таким образом, опасность этой нормы для сотен тысяч обернулась опасностью лишь для отдельных обвиняемых, поскольку в случае наказания до трех лет невозможно взвалить на признавшего себя дополнительную ответственность – тогда это будет уже не три года.

Несмотря на существенное снижение вреда, в кодексе остался инквизиционный механизм сделки, который со временем, после обкатки, сможет развиваться и заработать

на полную мощь. Соответствующая глава в кодексе уже закреплена. Желаящим останется лишь увеличить масштабы ее применения.

Помимо приведенных (а это далеко не полный их перечень) принципиальных изменений Уголовно-процессуального кодекса не в лучшую сторону по сравнению с действующим, проект кодекса содержит многочисленные и далеко не безобидные новации, нарушающие права и интересы обвиняемого и потерпевшего. К таковым относятся:

* право суда заключить человека под стражу и без ходатайства стороны обвинения, по собственной инициативе (ст. 108);

* возможность освобождения из-под стражи до суда только на основании судебного решения, даже когда следователь или прокурор не находит оснований для дальнейшего применения ареста («Мера пресечения, избранная на основании судебного решения, может быть отменена или изменена только судом» – ст. 113); таким образом, без всяких к тому оснований нагрузка на судей увеличивается вдвое, что еще больше формализует процедуру судебного ареста, а человек должен будет сидеть в изоляторе и ждать судебного решения (при этом неясно, остается ли у суда право не освободить человека в случае если обвинение полагает возможным его освобождение);

* рассмотрение судом любых жалоб в срок до 5 суток, в том числе и жалобы на незаконное задержание (ст. 125), которая к тому времени вряд ли будет оставаться актуальной;

* прекращение уголовного дела за примирением сторон, в том числе и за счет потерпевшего (ст. 132), в связи с чем правосудие примирения, даже в зачаточном состоянии (как оно изложено в проекте), становится невыгодным потерпевшему;

* проведение предварительного слушания только в закрытом судебном заседании (ст. 234);

* допущение аудиозаписи открытого судебного заседания только с разрешения председательствующего и согласия сторон (ст. 241, называемая очень внушительно – «Гласность»).

Отдельно надо сказать о дополнении кодекса «приложением» – неизвестно откуда появившимися во втором чтении образцами бланков соответствующих следственных действий и судебных решений, приобретающих таким образом силу закона. Видимо, это продиктовано вполне понятным стремлением помочь следователям и судьям освоить новый кодекс. Однако сами образцы никем не обсуждались и не учитывают многих процессуальных возможностей сторон, для которых может просто не найтись места в документах узаконенной формы.

Специального внимания заслуживает последняя, пятая часть кодекса – «Международное сотрудничество в сфере уголовного судопроизводства», которая имеет прямое отношение к вопросам, издавна волнующим правозащитников, – выдачи (экстрадиции) обвиняемых или осужденных в другие государства и, наоборот, в Россию из них.

Надо сказать, что предлагаемая глава УПК – первый внутренний акт, «закрывающий» эту дыру в нашем законодательстве с советских времен. Текст главы в целом выдержан в духе европейских конвенций о выдаче и об оказании правовой помощи другим государствам, а также учитывает положения Женевской конвенции о беженцах 1951 года (все они ратифицированы Россией). Сделан заметный шаг вперед по сравнению с действующими сейчас Минской конвенцией для стран СНГ 1993 года, двусторонними договорами с некоторыми странами и инструкциями Генпрокуратуры.

Но главное из того, что необходимо для реализации прав «кандидатов» на экстрадицию и предотвращения ее

использования в политических или иных неправовых целях, осталась за рамками этой части УПК.

Это – судебное рассмотрение вопроса о выдаче на основе тех ограничений, которые зафиксированы в ст. ст. 462 – 464 законопроекта. Разработчик ограничился лишь судебным оспариванием оснований решения о выдаче, которое по-прежнему принимается Генпрокуратурой РФ. Отсутствует возможность принесения протеста на избрание меры пресечения до принятия решения в случае если суд другого государства избрал ее для обвиняемого им. Не прописан механизм приостановления (или, вернее, невозможности реализации) выдачи на время ее судебного обжалования в том случае, когда оно следует после принятия решения Генпрокуратурой. Отсутствует новелла о механизме освобождения из-под стражи не выдаваемого Россией лица.

В основаниях отказа в экстрадиции (помимо очевидного – российского гражданства обвиняемого, отсутствия в законодательстве РФ соответствующих норм, по которым он преследуется на «родине» и т.д.) есть только лишь положение о невозможности выдачи лица, которому предоставлено убежище в России, по известному «набору» мотивов. Хорошо известно, как затруднено сейчас получение соответствующего статуса, что позволит Генпрокуратуре сослаться на необходимость совершенной формы слова «предоставлено» в отличие от «заявлено» или «аргументировано». И совсем уж непонятно, почему среди оснований отказа в выдаче нет прямых указаний на ее невозможность, если в государстве-хозяине де-факто применяются смертная казнь, пытки и жестокое обращение, иные формы грубого нарушения прав человека.

Хотели как лучше

Один из основных козырей разработчиков – **недопустимые доказательства**. По их мнению, в проекте решается проблема самооговоров и пыток путем признания не имеющими юридической силы показаний подозреваемого, обвиняемого, данных в ходе досудебного производства по уголовному делу в **отсутствие защитника** и не подтвержденных данным подсудимым в суде. Такие доказательства не могут быть положены в основу обвинения и использоваться для доказывания (ст. 75). Однако именно эта норма приведет к невозможности отказа подсудимого от данных в присутствии адвоката показаний, которые также могут быть выбиты, вынуждены, даны под давлением. Человека сначала «ломают» без адвоката, затем допрашивают – с адвокатом. Адвокат может даже искренне заблуждаться насчет добровольности признания, хотя в большинстве случаев штатный защитник (бывший следователь или судья) играет со следователем по одним нотам и видит лишь то, что удобно его коллеге. Досудебное следствие еще может быть оправдано сбором вещественных доказательств, поиском свидетелей, но никак не допросами того, вину которого должен устанавливать суд, а не следователь. Во всяком случае, при укоренившемся у нас досудебном следствии недопустимыми доказательствами следует считать показания обвиняемого, данные им до суда и от которых он на суде отказался, во всех случаях, вне зависимости от присутствия или отсутствия адвоката, поскольку человек в любом случае вправе отказаться от дачи показаний, что делает «царицу доказательств» в принципе вторичной в цивилизованном процессе.

Осталось как раньше

Принятый кодекс там, где не ухудшает редакции действующего, сохраняет его основные инквизиционные черты.

* Прежде всего это – **отсутствие состязательности на досудебной стадии**. Так, показания обвиняемого, полученные адвокатом в ходе досудебного производства,

не относятся к доказательствам (ст. 77). Согласно ст. 86 проекта, «**собрание доказательств производится ... дознавателем, следователем, прокурором и судом**». Обвиняемый, потерпевший и их адвокаты выведены за скобки следственных и иных процессуальных действий. Они, по уклончивому выражению проекта, «**вправе собирать**» доказательства.

* Сохраняется **формальная процедура рассмотрения отводов** (ст. 65): отвод, заявленный судье, рассматривается тем же судьей, хотя по общему правилу никто не может быть судьей в собственном деле. По мнению экспертов Совета Европы, высказанному после первого чтения в цитированном выше заключении, «*в случае единоличного судьи, который должен сам принимать решение по ходатайству о собственном отводе, норма должна быть пересмотрена во что бы то ни стало*».

* По-прежнему допускается принудительное помещение свидетелей и потерпевших в психиатрические стационары «**для оценки достоверности показаний**» (ст. ст. 56, 179). Мало того что человек пострадал от преступления, его, невиновного, запирают в психбольницу.

* Скопированы с действующего УПК **основания для заключения под стражу** в качестве меры пресечения. Но для чего принимается новый кодекс, если СИЗО останутся переполненными? Или все-таки чтобы сократить миллионную армию заключенных, освободить сотни тысяч от мучений в следственных изоляторах, прекратить повсеместные пытки в милиции, сделать невозможным «обнаружение» наркотиков и патронов, получить, наконец, справедливый суд?

Промежуточные выводы

Между тем депутат Е. Мизулина не раз оговаривалась, для чего, в частности, принимается кодекс. Так, например, ею было заявлено, что «*у нас ряд составов вообще мертвые именно потому, что неправильно организовано следствие*» (Общественно-политический интернет-сайт «Полит.Ру», интервью с Е. Мизулиной, 15 июня). Значит, задача процесса – оживить УК, упростить привлечение к ответственности за, как выражается депутат, «мелочевку»? Получается так, что процесс должен стать эффективнее путем «унификации следствия», ускорения человекооборота. Или еще: «*В условиях, когда наша судебная система стала поднадзорна Европейскому суду по правам человека, а Европейский суд не подконтролен нашему Правительству и, значит, более объективен, это сплошная гарантия судебной системы, работающая на самого маленького гражданина*». Хорошо этому гражданину! С принятием нового УПК поводов обращаться в Страсбург у него явно не убавится.

В пропагандистской шумихе, поднятой вокруг «прогрессивного» проекта, обычно использовались два аргумента: введение судебного ареста и распространение суда присяжных на всю территорию страны. Однако по проекту «**О порядке введения в действие Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации**», также принятому во втором чтении 20 июня, до 2004 года санкции на арест, обыск и другие процессуальные действия по-прежнему будет давать прокурор, а суд присяжных вводится на всей территории Российской Федерации с 1 января 2003 года. Казалось бы, год действительно необходим для организации судов присяжных. Только при этом вряд ли стоит ликвидировать уже существующие в 9 регионах России. А дело, похоже, идет именно к этому.

Поскольку законопроектом о введении в действие нового УПК устанавливается, что УПК РСФСР утрачивает силу с 1 января 2002 года, а нормы, касающиеся суда присяжных, начинают действовать на **всей территории Российской Федерации с 1 января**

2003 года, следовательно, в начале следующего года действующие суды с участием присяжных заседателей будут разогнаны. А вот что будет в 2003 году, не будет ли через год внесена поправка о продлении этого срока года этак до 2010-го, можно лишь догадываться.

Так что вдобавок ко всему **с введением нового УПК суд присяжных в России «временно ликвидируется».**

В процессе обсуждения депутаты добились пересмотра решений примерно по десяти поправкам. В ряде случаев лишь перед третьим чтением, когда будет роздан окончательный вариант, станет понятно, как же инкорпорировали разработчики в текст второго чтения те или иные изменения.

Правда, текст к третьему чтению в начале июля уже раздавался: Комитет по законодательству планировал его рассмотрение 12 июля. Но так как он был все-таки снят с окончательного рассмотрения, лингвистическая и стилистическая работа с проектом будет, по-видимому, продолжена.

Как бы то ни было, серьезных смысловых изменений с проектом кодекса в Думе уже не произойдет. Дискриминационный проект можно считать прошедшим через нижнюю палату парламента. Представляется все же, что обращаться к депутатам перед третьим чтением небесполезно. Неправительственные организации не должны пренебречь шансом добиться отклонения кодекса – все-таки принят он был не конституционным большинством, составляющим 300 голосов, и, следовательно, изменение позиции хотя бы одной, наиболее отзывчивой на пожелания избирателей фракции – «Российские регионы» – может изменить расклад сил. Изложенная выше и иная аргументация (например, полное отсутствие в кодексе начал ювенальной юстиции, пренебрежение особым статусом несовершеннолетнего правонарушителя), надеемся, может быть использована при обращении к депутатам.

Таковую же работу придется проделать и с Советом Федерации (как было сделано – и не безуспешно – по Кодексу об административных правонарушениях). Наконец, если кодекс все-таки вступит в силу, нашей общей задачей должно стать продвижение блока принципиальных, в том числе и радикальных поправок к нему – уже в виде отдельного законопроекта.

Гражданско-процессуальный кодекс

С Гражданско-процессуальным кодексом, утешим себя, дело не столь безнадежно: во-первых, потому что по нему все-таки не сажают, во-вторых, потому что он принят 14 июня лишь в первом чтении. Что оставляет надежду на внесение некоторых обязательных (по сути концептуальных) поправок.

Думе было предложено два варианта. Один, внесенный Верховным судом РФ, был принят, второй, авторами которого значились депутаты И. Артемьев, С. Попов («Яблоко») и В. Похмелкин (СПС), снят в пользу первого. Речь пойдет об утвержденном в первом чтении проекте кодекса.

Основная характеристика этого проекта – консервативность, сохранение большинства положений ГПК РСФСР, что имеет и положительные, и негативные стороны. Скорее, однако, последнее. По замечанию одного из разработчиков Концепции судебной реформы, утвержденной Верховным Советом РСФСР в 1991 году, Бориса Золотухина, ныне – эксперта фракции СПС, авторам проекта было свойственно «стремление ничего не менять, а если что и менять, то не чураться перемен к худшему» (из Заключения, подготовленного для Центра законодательной и парламентской работы). В результате в новом варианте кодекса преобладают изменения, ухудшающие положение обратившегося или вызванного в суд человека.

Доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой гражданского процесса и социальных отраслей

права МГСА, эксперт Независимого экспертно-правового совета Владимир Миронов, отмечая ряд позитивных положений, так же как и Б. Золотухин, приходит к выводу о неприемлемости проекта в целом. При этом В. Миронов положительно оценивает восстановление утраченной в 1995 году функции суда по руководству процессом, безусловному оказанию содействия в реализации прав сторон (ст. 12), появившееся право суда не принять отказ истца от иска и не утвердить мировое соглашение, если эти действия противоречат закону (ст. 39). Следует согласиться, что частичное ограничение принципа состязательности в пользу самостоятельной судебной инициативы вполне справедливо, соответствует специфике гражданского процесса, в котором суд должен играть активную правозащитную роль. Когда идет спор о разделе имущества супругов, об обжаловании действий должностных лиц, трудовых спорах – имеются, как правило, хотя и равноправные, но не равносильные стороны: материально, морально преимущественная и слабая, незащищенная, угнетенная. И вряд ли справедливо в таком случае нейтральное судебное наблюдение за состязанием между директором и работником, пенсионером и юристом-консультантом организации, инвалидом и преуспевающим бизнесменом. На том же, социально оправданном посыле основано введенное в проект кодекса право суда назначить адвоката в случаях отсутствия представителя у недееспособной стороны, а также у ответчика, место жительства которого неизвестно, в других установленных законом случаях. К сожалению, источник финансирования затрат на юридическую помощь по назначению в гражданских делах проект кодекса не определяет.

Наиболее радикальными изменениями ГПК являются ограничение права прокурора на обращение в суд и лишение его права принесения кассационного и надзорного протестов, что одобряется большинством экспертов. Если право обращения прокурора в суд, как оно изложено в проекте, вполне соответствует целям судебной защиты прав граждан и общественных интересов, – и предлагаемое сокращение возможностей прокурора здесь оправдано, то в отношении надзора радоваться, по-видимому, особо нечему.

Протесты, приносимые прокурорами по гражданским делам, в подавляющем большинстве случаев направлены все-таки на восстановление справедливости и исправление судебных ошибок, даже если прокуратура и не выполняет этих задач с должной полнотой. Проект, принятый в первом чтении, оставляет право принесения протеста только за председателями судов и их заместителями, что вдвое сужает возможности реабилитации пострадавших от неправильных решений. Известно также, что и эта административно-судебная вертикаль опротестования будет ко второму чтению отменена и заменена соответствующей процедурой, одобренной в первом чтении, нового Арбитражного процессуального кодекса. В предлагаемой Комитетом по законодательству для второго чтения ГПК модели надзорного производства предусматривается отказ от протестов как таковых. По мнению Комитета, «было бы правильным установить, что деятельность судов в этой стадии осуществляется только по жалобам заинтересованных лиц, которые подлежат рассмотрению коллегией трех профессиональных судей, выносящих определение либо о рассмотрении дела по существу в суде надзорной инстанции (президиуме соответствующего суда), либо об отказе в таком рассмотрении».

Действительно, протесты судебных чиновников – председателей судов недопустимы во всех видах судопроизводства. Между тем протест прокурора, не являющегося, в отличие от уголовного процесса,

заинтересованной стороной в гражданском процессе, представляется вполне приемлемым. Если же отказываться-таки от прокурорского надзора по гражданским делам, взамен должна быть предложена адекватная гарантия судебной защиты – таковой проект нового кодекса не представляет. Между тем такой гарантией могло бы стать надделение Уполномоченного по правам человека правом принесения протеста в пределах его компетенции, т.е. при наличии обращения граждан и в целях защиты их прав. Такими полномочиями обладает, например, Уполномоченный по правам человека в Польше.

Самые неприемлемые положения проекта касаются надзорного производства. Наиболее вопиющим является ограничение срока подачи жалобы тремя годами со дня вступления в законную силу решения, определения, постановления суда (ст. 384). Это не что иное, как лишение возможности реабилитации, отказ в гарантированной Конституцией каждому гражданину судебной защите его прав и свобод. Ограничение этого права возможно лишь в строго определенных статьей 55, ч. 3 Конституции целях, каковых оснований в данном случае не имеется.

Для дел, рассмотренных мировыми судьями, последней надзорной инстанцией объявляется областное звено. Опротестование решений мировых судей в Верховном суде РФ возможно только в случаях нарушения правил подсудности (ст. ст. 381, 382). Верховный суд РФ лишается возможности осуществлять судебный надзор за законностью и обоснованностью решений мировых судей, что также ущемляет право на судебную защиту.

Согласно ст. 384, жалоба в порядке надзора не может быть подана, если решение суда первой инстанции не обжаловалось в апелляционном или кассационном порядке. Это также ограничивает конституционное право.

Судя по всему, стремясь избавиться от назойливых жалоб, Верховный суд, внесший проект, озабочился в первую очередь собственными проблемами, сведя высший судебный надзор по гражданским делам к недопустимому минимуму.

Кроме того, проект содержит следующие грубые концептуальные недостатки:

1. Гласность судебного разбирательства в ведомственных интересах авторов проекта оборачивается своей противоположностью. Аудиозапись открытого судебного заседания допускается только с разрешения суда (ст. 10). Если по ГПК РСФСР «решения судов во всех случаях провозглашаются публично» (ст. 9), то новый ГПК допускает при объявлении заседания закрытым закрытое же объявление решения, в том числе в случае, «когда публичное оглашение решения нарушает интересы правосудия» (ст. 10).

2. Ст. 136 проекта допускает отказ в правосудии на основании некоего «договора сторон», которым может быть предусмотрен порядок досудебного разрешения спора. Такой договор (например, трудовой) может быть по существу кабальным. Очевидно, что препятствием реализации конституционного права договор служить не может.

3. Ст. 153 проекта, также для судейского удобства, разрешает безразмерный по времени срок подготовки «сложного» дела к судебному разбирательству.

4. Проект ГПК сохраняет институт народных заседателей (если, конечно, с ними не распрощаются, как в УПК, ко второму чтению). Однако дела об обжаловании действий должностных лиц органов государственной власти не могут почему-то рассматриваться с их участием (ст. 248). По замечанию В. Миронова, «видимо, авторы посчитали возможным, чтобы действия и решения чиновников исполнительной

власти оценивали исключительно чиновники от власти судебной. Ведь чиновники имеют свой этикет поведения, который может быть нарушен представителями общественности, допущенными до отправления правосудия».

5. Отвод, заявленный судьей, рассматривающему дело единолично, разрешается тем же судьей (ст. 20). Традиция формального отношения к отводам неистребима.

6. Вопреки установлению ст. 47 Конституции, в соответствии с которой никто не может быть лишен права на рассмотрение его дела в том суде, к подсудности которого оно отнесено законом, проект устанавливает, что «Верховный суд Российской Федерации вправе по собственной инициативе принять к своему производству дела, имеющие важное государственное или международное значение» (ст. 28). Позиция сторон при этом игнорируется.

7. Как справедливо указывает Б. Золотухин, «Верховный суд не желает вводить апелляционное производство по гражданским делам. Поэтому предлагает допустить апелляцию только на решения мировых судей. Это значит не введение апелляции, а запрещение ее по всем, сколько-нибудь важным и сложным гражданским делам, поскольку известно, что к компетенции мировых судей относятся лишь менее значительные дела». Очевидно, что полноценное апелляционное производство, существующее в арбитражных судах, должно распространиться и на суды общей юрисдикции, поскольку, по словам Б. Золотухина, «в обоих случаях рассматриваются споры о праве гражданском».

8. Также вопреки Конституции, ее статье 50, проект фактически допускает использование доказательств, полученных с нарушением закона, устанавливая, что «не может быть отменено правильное по существу решение суда по одним лишь формальным соображениям» (ст. 336). Иными словами, процессуальная чистота, т.е. доказанность, принесится в жертву бессмысленно объективируемой «правильности».

9. Возникает в проекте и давно протаскиваемое Верховным и Высшим арбитражным судами право суда на толкование закона (ст. ст. 367, 393, 398). Такое право в принципе недопустимо, как и вообще толкование закона кем-либо, кроме Конституционного суда, дающего определение конституционного смысла тех или иных правовых установлений в случае признания их конституционности.

10. К гражданам, просто присутствующим в зале заседания, судейские авторы проекта относятся традиционно недружелюбно. Так, фактически произвольно суд вправе «удалить из зала заседания граждан, не являющихся участниками процесса, и рассмотреть дело в закрытом судебном заседании» (ст. 160).

Никак не решает проект и важнейшую проблему участия общественных объединений в гражданском процессе. Защита взаимного интереса и общественных ценностей является одной из основных целей создания общественных объединений, между тем самостоятельным правом обращения в суд, правом предъявления иска в интересах неопределенного круга лиц общественные объединения в большинстве случаев не обладают. Такое право им, а не органам государственной власти, по-прежнему дающим, т.е. навязывающим суду по делу свои «заклчения» (ст. 47 проекта), должен предоставить гражданско-процессуальный закон.

Проект ГПК в принципе может быть исправлен. Поскольку второе чтение вряд ли состоится раньше января – февраля 2002 года, субъекты права

законодательной инициативы имеют еще время — как минимум до сентября — для внесения поправок. Задача неправительственных организаций — всячески содействовать этому процессу, обращаясь к своим представителям в Госдуме, Совете Федерации, в законодательных собраниях. Принципиальными являются следующие требования, которые могут быть предъявлены Комитету Госдумы по законодательству как в виде обращений общественных организаций, так и путем инициирования поправок через законодательные собрания, членом Совета Федерации и депутатов Государственной Думы: это сохранение института народных заседателей, которых законодательный Комитет намерен «вычистить» ко второму чтению и из гражданского процесса, и повышение процессуальной значимости общественных объединений, которые должны получить закрепленное непосредственно в Кодексе право обращения в суд с иском в защиту неопределенного круга лиц.

К данному обзору прилагаются поправки, внесенные депутатом Госдумы С. Ковалевым, которые могут быть использованы (в том числе и путем прямого заимствования, согласие на которое от автора заранее получено) при подготовке поправок от других субъектов законодательной инициативы.

Законопроекты группы Козака

28 июня 2001 г. в первом чтении приняты проекты, внесенные Президентом РФ:

«О внесении изменений и дополнений в Закон РФ «О статусе судей в РФ»;

«О внесении дополнения и изменений в статьи 13 и 14 Федерального конституционного закона «О судебной системе РФ»;

«О внесении изменений и дополнений в Федеральный конституционный закон «О Конституционном суде РФ»;

«Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ».

«О внесении изменений и дополнений в Закон Российской Федерации

«О статусе судей в Российской Федерации»

(по вопросам порядка наделения полномочиями судей и прекращения их полномочий)

Основная его цель — та же, что у путинского гос- и партийного строительства: выстроить суды по вертикали, жертвуя при этом всеми конституционными ценностями, в данном случае — неприкосновенностью и несменяемостью судей, а значит, и их независимостью.

Некоторые, несомненно, правильные решения, предложенные группой Д. Козака (группа экспертов под руководством Д. Козака, заместителя руководителя Администрации Президента РФ), по сути ничтожны: ценность их, так же как в случае с УПК, нивелируется общим, разрушительным для правосудия замыслом.

Да, объявляется **открытый конкурс** на вакантные должности судей с объявлением о нем в прессе. Но при этом *отклонение Президентом предложенной кандидатуры перестает быть мотивированным* и даже не сообщается председателям соответствующих судов, а срок проверки «достоверности сведений», изложенных кандидатом о себе самом, составляет не один, как сегодня, а 5 месяцев.

Да, в квалификационные коллегии судей включаются представители юридической и научной общественности. Но сами коллегии лишаются при этом главного — *права согласования вопросов о лишении судей неприкосновенности, о возбуждении уголовного дела, о применении мер пресечения*. Расправа с судьей, равно как и увод его ответственности, не требует, согласно проекту, контроля общественности.

Да, на судей распространяется, наконец, законодательство о труде в части, не урегулированной

настоящим законом. Но при этом на них возлагаются дисциплинарные и административные взыскания, упрощается процедура привлечения их к уголовной ответственности, что несовместимо с их конституционным иммунитетом.

Управляемость судей, сменяемость судей, зависимость судей, лишенных надлежащего иммунитета, — вот смысл антиконституционного законопроекта Президента.

I. Судьи, по проекту, назначаются без учета мнения законодательных (представительных) органов субъектов РФ. Цель очевидна: оторвать их от региональной зависимости. Но вряд ли она будет достигнута таким путем, поскольку зависимость судьи от местных властей выстраивается, как правило, после назначения — судью просто прикармливают. Между тем данное изменение антиконституционно и антифедеративно — ст. 72, пункт «л» Конституции относит кадры судебных органов к совместному ведению Федерации и ее субъектов.

II. По Конституции (ст. 121) судьи несменяемы. По проекту судьи сменяемы: **вводится предельный 65-летний возраст, председатели судов назначаются на определенный срок (4 года — для районных судов, 6 лет — для остальных), расширяется круг судейских должностей, назначение на которые впервые осуществляется сроком на три года, упрощаются процедура прекращения полномочий и возможность увольнения судьи по состоянию здоровья и другим «уважительным причинам».**

Увольнение судей по возрасту не соответствует их статусу, который по своим конституционным параметрам совпадает со статусом депутата. Если старость не служит помехой для законодательной деятельности, не должна она быть таковой и для судейской. В то же время мотивы омоложения судейских кадров понятны: сложнее переучить судью, легче выучить заново. Судьи, по мысли реформаторов, должны быстрее отучиваться от более демократичных принципов старых кодексов. Новые кодексы требуют новых исполнителей.

Между тем в соответствии с разделом вторым (п. 5) Конституции РФ «после вступления в силу Конституции судьи всех судов Российской Федерации сохраняют свои полномочия до истечения срока, на который они были избраны». Следовательно, ограничение срока полномочий не может распространяться на судей, избранных по действующему закону бессрочно, а также на председателей судов и их заместителей, занявших эти должности до вступления в силу новых правил.

Ограничение шестью годами срока полномочий председателей Верховного и Высшего арбитражного судов, судов республик, краев и областей (т.е. судей судов второго звена) и их заместителей и четырьмя годами — срока полномочий председателей районных судов и их заместителей также противоречит принципу несменяемости. Как отмечается в Комментариях к Конституции РФ, подготовленном Институтом законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ (Москва, 1994), «*несменяемость судьи означает, что он не подлежит переводу на другую должность или в другой суд без его согласия*» (стр. 383).

По мнению бывшего судьи Мосгорсуда В. Миронова, «*периодический пересмотр руководящего состава судебных органов с участием представителей исполнительной власти позволяет избавиться от лиц, проявляющих независимость при осуществлении правосудия*». О том же пишет Б. Золотухин: «... *судьи таким путем будут раз в шесть лет или четыре года проходить проверку на послушность своим начальникам, от которых зависит назначение на новый срок*».

Также вместо того, чтобы исключить существующее ныне правило первоначального назначения судьи районного и военного судов на три года, эта норма распространяется по проекту на судей верховных судов областного уровня, судей арбитражных судов округов и субъектов Федерации, судей окружных (флотских) военных судов. Тем самым снова ограничивается принцип несменяемости.

Между тем следует повышать квалификационные требования при назначении судей, а не устанавливать для них испытательный срок, который на практике становится сроком проверки на управляемость. Человек, чье дело рассматривает «испытываемый» судья, находится в неравном положении с тем, кто попал к «полноценному» судье. Особо это касается дел об обжаловании действий и решений должностных лиц, затрагивающих интересы представителей власти, уголовных дел.

Возможность прекращения полномочий судьи по дисциплинарным основаниям также противоречит принципу несменяемости. По проекту выгнать судью можно за несколько опозданий на работу, за субъективно интерпретированное *«ненадлежащее исполнение обязанностей»*.

Если по действующему закону прекращение полномочий судьи по состоянию здоровья или по иным уважительным причинам возможно только в случае, если исполнение полномочий невозможно в течение длительного времени, то проектом исключается не только критерий длительного времени, но и невозможность освобождения судьи от должности, если он, несмотря на болезнь или уважительные обстоятельства, вернулся к исполнению своих обязанностей.

III. В проекте дается новое определение требований, предъявляемых к судье. По действующему закону (ст. 4) претендовать на должность может юрист, «не совершивший порочащих его поступков». Теперь же кандидату предлагают иметь *«безупречную репутацию, не вызывающую сомнений в том, что назначение его судьей не умалит авторитета судебной власти и что при исполнении полномочий судьи он будет объективен, справедлив и беспристрастен»*. Однако если совершение определенных поступков подразумевает что-то конкретное, то формулировка проекта исходит из преимущественно субъективных начальственных оценок (по принципу «свой – чужой»).

Кроме того, в проекте прописаны медицинские ограничения, препятствующие исполнению полномочий судьи. Их перечень, равно как и порядок медицинского освидетельствования кандидатов, утверждается Минздравом. Однако в силу ст. 55, ч. 3 Конституции перечень должен утверждаться федеральным законом.

Исходя из профессиональной ориентации президента и его администрации проект вводит келейный порядок принятия решений в отношении кандидатов в судьи. Председатели судов об отклонении представленной ими кандидатуры, по проекту, не информируются (сегодня – обязаны быть проинформированы). Основания отклонения кандидатуры не мотивируются и не сообщаются (сегодня – Президент сообщает о мотивах отклонения). Очевидно, эти мотивы будут определяться «соответствующими органами» и политическими соображениями.

IV. Совершенно недопустимой является вводимая проектом дисциплинарная ответственность судей, для чего в закон добавляется новая статья 12-1, определяющая за *«ненадлежащее исполнение судьей своих обязанностей, нарушение правил внутреннего распорядка суда»* следующие меры: «дисциплинарное взыскание в виде замечания, выговора, предупреждения о неполном соответствии

занимаемой должности или прекращения полномочий судьи». Взыскания налагаются квалификационной коллегией исключительно по представлению председателя соответствующего суда. Таким образом, говорить о защите интересов граждан, страдающих от судебного произвола, в данном случае не приходится – наказывать будут скорее непослушных судей, ни в чем не провинившихся ни перед правосудием, ни перед народом, гражданин же должен будет сначала обратиться к председателю суда с жалобой на судью.

Представим, что судебное решение будет выноситься судьей, предупрежденным о неполном соответствии занимаемой должности либо заслужившим выговор, т.е. по определению неполноценным и «сомнительным». Поскольку граждане не вправе выбирать себе судей для рассмотрения конкретных дел, не исключено, что дело особой важности будет рассматриваться судьей, привлеченным к дисциплинарной ответственности, а дело малозначимое – заслуженным и поощренным. Очевидно также, что судья, имеющий дисциплинарное взыскание и желающий сохранить свою должность, будет осторожнее и не посмеет вынести решение, противоречащее усмотрению начальства.

Установление дисциплинарной ответственности судей равносильно такой же ответственности депутатов, что противоречит принципу неприкосновенности и сводит на нет независимость судей.

Не лучше и предложенное авторами проекта поощрение судей, которые вообще-то обязаны руководствоваться законом во всех случаях и выносить законные решения без расчета на специальные благодарности. Выделять особо отличившихся судей недопустимо, поскольку это также будет провоцировать их желание угодить начальству.

V. Расправляется автор проекта, т.е. внесший его Президент, и с неприкосновенностью судей. Помимо дисциплинарной, вводится их административная ответственность. По словам В. Похмелкина, ее введение означает контроль правоохранительных и исполнительных органов над судебной властью: *«Представьте себе: дело об административном правонарушении рассматривает судья, подвергнутый административному взысканию!»* Хотя привлечение судьи к административной ответственности возможно лишь по судебному решению с санкции Генерального прокурора или его заместителя, этот механизм в случае преследования неудобного судьи может быть задействован, в том числе и на пустом месте, поскольку проектом не исключается возможность задержания судьи на месте административного правонарушения. В то же время содержащийся в проекте порядок применения к судьям административных санкций в принципе исключает возможность наказания судьи за транспортные и иные «текущие» нарушения, ради чего, по словам представителя Президента А. Котенкова, вводится их административная ответственность.

Порядок привлечения судьи к уголовной ответственности упрощается – для этого не требуется согласия соответствующей квалификационной коллегии. При этом представление о лишении судьи иммунитета может направлять не только Генеральный прокурор, как сегодня, но и его заместитель.

Из Федерального конституционного закона «О Конституционном суде Российской Федерации» в Закон РФ «О статусе судей в Российской Федерации» переносятся положения, касающиеся неприкосновенности судей КС. Теперь согласие на привлечение их к ответственности (в том числе и административной!) будет давать Совет Федерации, а не сам Конституционный суд, как сегодня. Это также снижает гарантии неприкосновенности. Ст. 102

Конституции не относит к ведению Совета Федерации дачу согласия на возбуждение уголовного дела в отношении судьи КС, тогда как компетенция верхней палаты в отношении формирования судебной власти сформулирована в Конституции исчерпывающим образом.

Выступая на пленарном заседании, депутат М. Бугера («Регионы России») произнес: *«Законопроект... заслуживает одобрения и поддержки. Особенно отмечаем то, что давно назревший вопрос об установлении, усилении ответственности судей в данном законопроекте наконец-то получает свое отражение. Субъекты Федерации уже давно ставят вопрос о том, что судебное сообщество во многом превратилось в замкнутую корпорацию, в которой очень трудно даже при наличии очень весомых оснований привлечь судью к ответственности. Эти моменты всецело поддерживаются и одобряются».*

В. Похмелкин (СПС) ответил на это так: *«... обращаю внимание на выступление депутата М. Бугеры, оно очень показательное и разоблачительное. Вот для чего на самом деле нужна судебная реформа: усилить ответственность судей, поставить их под контроль региональных начальников!».* В. Похмелкин не договорил: не только и не столько региональных.

«О внесении дополнения и изменений в статьи 13 и 14 Федерального конституционного закона «О судебной системе Российской Федерации»

Замыслив реформировать судебную систему, Кремль, недооценивший в начале этой работы свои возможности в парламенте, вполне мог пойти путем принятия нового закона о статусе судей, а не путем внесения поправок в устаревший, принятый еще Верховным Советом закон. Перестраховавшись, пошли по пути поправок, и даже не в Федеральный закон, как это предусмотрено статьями 119 – 122 Конституции, а в Закон РФ, что конституционно небезупречно.

Задача внесенных Президентом «в пакете» поправок в закон «О судебной системе...» в том, чтобы перевести установление срока полномочий судей, председателей судов и их заместителей, определяемого в настоящее время федеральным конституционным законом, в сферу регулирования федерального закона.

Пока это необходимо для введения ограничений по сроку для руководителей судов. Но упрощение правового регулирования статуса судей будет провоцировать в дальнейшем на еще более пагубные изменения судебной системы.

По словам первого заместителя председателя ВС В. Радченко, выступившего на заседании Думы 28 июня, *«любое сокращение срока – это, бесспорно, умаление независимости судей. ...Сегодня нам предлагают установить вот эту запись, то есть отнести этот вопрос к компетенции федерального закона для решения конкретной ситуации, касающейся исключительно председателей судов и их заместителей. Но где гарантии, что ссылаясь на эту же запись, завтра не предложат – ну, не эти люди, а другие – вообще ограничить срок полномочий судей простым законом, допустим, двумя, тремя годами, чтобы они часто менялись и, так сказать, были еще более «независимыми», чем в настоящее время».*

«О внесении изменений и дополнений в Федеральный конституционный закон «О Конституционном суде Российской Федерации»

(в части изменения статуса судей КС и уточнения механизма исполнения решений КС)

Помимо упрощения процедуры привлечения судей КС к уголовной ответственности (согласия самого КС для этого по проекту не требуется) и установления

возможности (хотя и трудно реализуемой – через Совет Федерации) их административной ответственности, проект более подробно, чем в действующем законе, регламентирует порядок исполнения решений КС.

Проблема, безусловно, актуальная, так как действующий закон не определяет обязанностей, возникающих у органов власти в связи с признанием того или иного нормативного правового акта не соответствующим Конституции.

Пожалуй, это единственный законопроект из всех рассматриваемых в настоящем обзоре, имеющий позитивную, а не разрушительную направленность (за исключением упомянутых положений, ограничивающих неприкосновенность судей КС).

Следует приветствовать установление законом обязательного двухмесячного срока исправления признанных неконституционными указов и постановлений Президента и Правительства, определение конкретных сроков и санкций в отношении органов законодательной и исполнительной власти субъектов РФ, не исполнивших решения КС. К последним применяются по проекту «меры ответственности, предусмотренные федеральным законодательством». Иными словами, в отношении законодательных собраний и руководителей регионов могут быть задействованы достаточно жесткие «механизмы ответственности», установленные год назад после принятия новой редакции Федерального закона «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов РФ».

Аналогичные обязанности возлагаются проектом и на Государственную Думу, которая «обязана в течение шести месяцев со дня опубликования решения КС РФ, либо в течение иного предусмотренного этим решением срока принять новый федеральный конституционный закон, федеральный закон или ряд взаимосвязанных законов либо внести изменения и дополнения в нормативный акт, признанный неконституционным в отдельной его части». Однако эти предложения по сути бессмысленны. Законодательная инициатива является правом, а не обязанностью ее субъектов. Никто, даже Конституционный суд, не вправе обязать Думу принять какой-либо закон – иное противоречит самому принципу парламентаризма. Забавно, что разработчики закона в президентской администрации уже привыкли видеть в Думе управляемую машину для одобрения спущенных сверху поручений. Пусть на практике это так или близко к тому. Но даже в советские времена, при еще более послушном Верховном Совете, правовая норма об обязанности Верховного Совета принимать тот или иной закон была немыслима.

«Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»

Проект закона об адвокатуре – наверное, десятый за последние десять лет: все предыдущие попытки урегулировать статус адвоката законом (а в этой сфере действуют еще советские положения) оканчивались неудачей. Очевидно, что проект В. Путина, в отличие от отвергнутого в свое время аналогичного проекта Б. Ельцина, ждет более счастливая судьба.

Проект весьма революционен: он безжалостно ломает старую систему коллегий, заменяя их по новой моде единой вертикалью. Определяется, что в каждом субъекте Федерации может быть только одна региональная адвокатская палата, подчиняющаяся единой Федеральной палате адвокатов. Межтерриториальные, межрегиональные, межреспубликанские коллегии упраздняются. Адвокат, обязательно входящий в региональную и, следовательно, федеральную палаты, вправе либо самоорганизоваться,

создав кабинет, либо объединиться в бюро с себе подобными.

Такое выстраивание адвокатуры многим нравится, поскольку предполагает ликвидацию «второстепенных» и «третьестепенных» коллегий и, следовательно, более строгий отбор «на входе» в адвокатское сообщество. Кроме того, ликвидация коллегий может означать и увеличение числа адвокатов, поскольку сегодня получению статуса препятствуют сами коллегии, заинтересованные в дефиците юридических услуг.

Однако ни одной важной проблемы законопроект по существу не решает и приведет в случае принятия к перераспределению портфелей и прибылей, а также к усилению контроля за адвокатами со стороны чиновников Минюста, которые также рассчитывают кормиться за счет адвокатского пирога, а значит, за счет их клиентов.

Ликвидация коллегий и централизация адвокатуры, несомненно, приведут к ее управляемости как центром, так и в значительной степени местной властью. На это направлен прямой запрет образования структурных подразделений региональной палаты на территории других субъектов Федерации. В итоге в регионе не могут возникнуть ни адвокатский кабинет, ни бюро, независимые от местного бюрократического аппарата.

В статье 19 проекта говорится буквально следующее: *«В случае если Министерство юстиции Российской Федерации или его территориальный орган располагает данными, являющимися основанием для прекращения статуса адвоката, а квалификационная комиссия не прекратила статус адвоката данного лица, Министерство юстиции Российской Федерации или его территориальный орган направляет представление в соответствующую адвокатскую палату субъекта Российской Федерации. При уклонении квалификационной комиссии от принятия решения в месячный срок орган юстиции, направивший представление, вправе прекратить статус адвоката»*. Основания же для прекращения статуса довольно расплывчаты: *«неспособность адвоката в течение более чем шести месяцев исполнять свои профессиональные обязанности по состоянию здоровья или по иным уважительным причинам (т.е. в том числе элементарное отсутствие у адвоката клиентов), совершение поступка, порочащего честь и достоинство адвоката или умаляющего авторитет адвоката (т.е. все что угодно), неисполнение либо ненадлежащее исполнение адвокатом своих обязанностей перед клиентом, а также неисполнение решений адвокатской палаты субъекта Российской Федерации, принятых в пределах ее компетенции»*.

Последнее особо примечательно. По проекту, оказывается, что адвокат должен руководствоваться не Конституцией и законом, а в первую очередь решениями адвокатской палаты и других вышестоящих профессиональных инстанций: *«Решения съезда адвокатов Российской Федерации обязательны для всего состава адвокатуры Российской Федерации»* (ст. 29 проекта).

Такое обустройство адвокатуры влечет ее огосударствление, хотя она и называется в проекте для красного словца *«институтом гражданского общества»*. Из этих слов, естественно, ничего не следует. И что такое «институт гражданского общества» в правовом смысле, не совсем понятно. Зато там, где дело доходит до вполне конкретного регулирования, например, выясняется, что адвокат не может быть судимым, что и помощник адвоката тоже не может быть судимым. А собственно говоря, почему? Ведь, в отличие от судьи, адвокат не представляет государство, власть, не принимает решений, имеющих силу судебных. Адвокат — всего лишь помощник, защитник, представитель

стороны. Он приписан не к государству, а к гражданину. И может быть, так же как и гражданин, судимым. Да и до репутации его, до «порочащих поступков» государству также не должно быть дела.

Потому нормы международного права и не включены автором проекта в перечень правовых оснований деятельности российской адвокатуры, — в отличие от предлагаемого проекта, эти нормы предусматривают самоуправление и независимость адвокатуры и не допускают «внешнего вмешательства» (Основные положения о роли адвокатов, принятые 8-м Конгрессом ООН в августе 1990 года, Нью-Йорк; Рекомендации Комитета Министров Совета Европы от 25 октября 2000 года «О свободе осуществления профессии адвоката»).

По словам председателя Комитета Думы по государственному строительству А. Лукьянова, представлявшего законопроект от Комитета в Москве и Московской области 14 коллегий, *«а в четырех автономных округах и в 165 районах вообще не имеется никаких адвокатских объединений. Это касается и Центрального района иногда, потому что здесь население беднеет и вместе с этим исчезает возможность получения адвокатами соответствующих доходов от своей работы»*.

Решает ли законопроект эту проблему? Не решает, так как региональные палаты никак не стимулируются к созданию подразделений на местах.

Еще раз процитируем доклад А. Лукьянова: *«Мы часто судим о доходах адвокатов здесь, в пределах Садового кольца, по доходам мэтров, которые не слезают с экранов телевидения. На самом же деле если мы посмотрим, как обеспечен адвокат, то увидим: сегодняшней среднемесячный доход адвоката не превышает 2 тысяч рублей»*.

Решает ли проект эту проблему? Нет, не решает, поскольку бесплатная юридическая помощь расширена, но механизм ее финансирования остается неопределенным. Если участие адвоката в уголовном процессе по назначению должно по законопроекту финансироваться в размерах и порядке, устанавливаемых Правительством (ст. 24), хотя очевидно, что это будет тот же, что и сегодня, мизер, то обязательная бесплатная юридическая помощь гражданам по гражданским делам источника финансирования вообще не имеет. А это по проекту и участники войны, военнослужащие срочной службы, инвалиды I и II группы, пенсионеры по возрасту (по вопросам, не связанным с предпринимательской деятельностью), и истцы по делам о взыскании алиментов, о возмещении вреда, причиненного смертью кормильца, трудовым увечьем, и любые лица при составлении заявлений о назначении пенсий и пособий, и пострадавшие от политических репрессий по вопросам, связанным с реабилитацией. Бесспорно, всем этим гражданам должна быть гарантирована бесплатная помощь. Столь же бесспорно, что она не должна быть бесплатной для адвокатов. Ссылки на возможности помогать бедным за счет богатых бессмысленны — богатые адвокаты традиционно не обнаруживают свои доходы.

Перестройка адвокатуры предполагается, таким образом, под традиционные красивые разговоры о гражданском обществе и бесплатной помощи нуждающимся, но на самом деле — в интересах чиновничества. Так, заботу о создании палат в регионах и проведении первого всероссийского съезда адвокатов берут на себя Минюст и его территориальные управления. Отбор делегатов на региональные собрания и федеральный съезд довольно оригинален: подразумевается, что никаких выборов не будет, а просто чиновники составят списки и пошлют на съезд где — каждого 15-го, где — каждого 10-го адвоката. Как сказал при обсуждении проекта депутат С. Попов («Яблоко»):

«Я вас уверяю, уважаемые коллеги, что каждым 15-м и каждым 10-м окажутся те, в ком заинтересованы местные власти».

Поправки С. Ковалева в проект Гражданско-процессуального кодекса

Председателю Комитета Государственной Думы по законодательству
Крашенинникову П.В.

Уважаемый Павел Владимирович!

Вношу следующие поправки в принятый в первом чтении проект Гражданско-процессуального кодекса Российской Федерации.

1. В статье 1 пункт 4 считать пунктом 5, пункт 5 — пунктом 4.

Обоснование. Норма пункта 4 (о приоритете международных договоров) относится в равной степени к пунктам 3 и 5. Следовательно, пункт 4 должен следовать после пункта 5.

2. В статье 2 слова «предупреждению правонарушений» исключить.

Обоснование. Суд не относится к правоохранительным органам.

3. Второе предложение части 1 статьи 7 изложить в следующей редакции: «Дела по жалобам на судебные постановления мировых судей, не вступившие в законную силу, рассматриваются в апелляционном порядке коллегиально судом в составе судьи районного суда и двух народных заседателей».

Обоснование. Единоличное апелляционное рассмотрение дела, рассмотренного мировым судьей также единолично, противоречит принципу судебной проверки решений суда первой инстанции. Проверяющая инстанция должна рассматривать дело коллегиально.

4. В части 2 статьи 7 после слов «в коллегиальных составах» дополнить словами «в составе судьи и двух народных заседателей».

5. Часть 6 статьи 10 изложить в следующей редакции: «6. Лица, участвующие в деле, и граждане, присутствующие на открытом судебном заседании, имеют право письменно, а также с помощью средств звукозаписи фиксировать ход судебного разбирательства. Фотосъемка, видеозапись, прямая радио- и телетрансляция судебного заседания допускаются с разрешения суда».

6. Часть 7 статьи 10 изложить в следующей редакции: «7. Решения судов во всех случаях объявляются публично».

Обоснование. Не имеется оснований для изменения соответствующего положения части 5 статьи 9 ГПК РСФСР.

7. В части 1 статьи 11 после слов «Конституции Российской Федерации» дополнить словами: «общепризнанных принципов и норм международного права, международных договоров Российской Федерации».

Обоснование. Приводит редакцию статьи в соответствие с частью 4 статьи 15 Конституции Российской Федерации.

8. В части 3 статьи 14 после слов «первой инстанции» дополнить словами «и в апелляционном порядке».

9. В первом предложении части 2 статьи 20 слова «тем же судьей» заменить словами «без участия судьи, которому заявлен отвод, коллегиальным составом того же суда при нечетном количестве судей».

Обоснование. По общему правилу жалоба не может рассматриваться тем лицом, действия которого обжалуются. Рассмотрение отводов без участия судьи, которому заявлен отвод, обеспечивает беспристрастность судопроизводства.

10. Во втором предложении части 2 статьи 20 после слов «остальными судьями» дополнить словами «(народными заседателями)».

11. Часть 2 статьи 27 исключить.

Обоснование. Предлагаемая к исключению норма противоречит ст. 47, части первой Конституции Российской Федерации.

12. В части 7 статьи 29 после слова «жительства» дополнить словом «(нахождения)».

Обоснование. Иск о защите прав потребителей может быть предъявлен юридическим лицом.

13. В первом предложении части 4 статьи 37 слова «лично защищают» заменить словами «вправе лично защищать».

Обоснование. Поправка направлена на защиту прав несовершеннолетних, на которых нельзя возложить обязанность самостоятельно защищать свои права.

14. Второе предложение части 4 статьи 37 изложить в следующей редакции: «Суд обязан привлекать к участию в таких делах законных представителей несовершеннолетних».

15. Часть 2 статьи 39 дополнить словами «либо нарушают права или охраняемые законом интересы других лиц».

Обоснование. В целях защиты прав и законных интересов граждан необходимо расширить пределы усмотрения суда при решении вопросов об отказе от иска, признании иска или утверждении мирового соглашения.

16. Часть 2 статьи 45 дополнить словами «и не нарушает права или охраняемые законом интересы других лиц».

17. В части 1 статьи 46 после первого предложения дополнить следующим предложением: «Общественные объединения вправе обратиться в суд с иском в защиту прав, свобод и охраняемых законом интересов своих членов и участников и других лиц по их просьбе либо неопределенного круга лиц в соответствии с их уставами».

Обоснование. Гражданско-процессуальный кодекс должен быть тем самым законом, на основании которого (а не на основании других законов) общественные объединения получают право обращения в суд в защиту интересов граждан. Это отвечает конституционному принципу свободы деятельности общественных объединений, одной из основных целей образования которых является защита общих интересов (ст. 3 Федерального закона «Об общественных объединениях»). Тот же закон гарантирует общественным объединениям право «представлять и защищать свои права, законные интересы своих членов и участников, а также других граждан в органах государственной власти» (ст. 27), к числу которых относится и суд.

18. Статью 47 изложить в следующей редакции: «Статья 47. Участие общественности в процессе».

1. Представители общественных объединений, не являющихся стороной в деле, допускаются по определению суда к участию в судебном разбирательстве в целях защиты прав, свобод и охраняемых законом интересов других лиц для изложения суду мнения уполномочивших их организаций по поводу рассматриваемого судом дела.

2. Представители общественных объединений имеют право знакомиться с материалами дела, присутствовать на всех судебных заседаниях, представлять доказательства, участвовать в исследовании доказательств, задавать вопросы участвующим в деле лицам, свидетелям и экспертам, представлять свои доводы по всем возникающим в ходе судебного разбирательства вопросам, участвовать в судебных прениях.

3. Полномочия представителей общественных объединений удостоверяются выписками из решения высшего или постоянно действующего руководящего

органа общественного объединения, принятого в соответствии с уставом общественного объединения».

Обоснование. Статья 47 в редакции проекта кодекса, принятого в первом чтении, об участии в процессе государственных органов и органов местного самоуправления и их праве давать заключения по делу противоречит конституционному принципу самостоятельности судебной власти (ст. 10 Конституции РФ). Представляется, что в гражданском судопроизводстве должны участвовать не представители государственных органов, а представители общественности, что будет направлено на большую открытость судебного процесса, соотносимость его с публичным интересом. Одновременно в большей степени будет реализована конституционная гарантия права граждан на участие в отправлении правосудия (ст. 32, ч. 5 Конституции Российской Федерации).

19. Статью 50 дополнить пунктом 2 следующего содержания: «2) отсутствия представителя у лица при рассмотрении заявления о признании его недееспособным или ограниченно дееспособным».

Пункты 2 и 3 считать соответственно пунктами 3 и 4.

Обоснование. Одновременно предлагаются поправки в статью 289 проекта кодекса об обязательном участии в рассмотрении заявления о признании лица недееспособным или ограниченно дееспособным представителя данного лица.

20. В статье 60 слово «которые» заменить словами «в отношении которых судом установлено, что они».

Обоснование. Прежде чем прийти к выводу, что доказательства имеют или не имеют значение для дела, суд должен это установить. Предлагаемая формулировка предполагает, что суд не может отметить доказательства «не глядя».

21. Часть 5 статьи 68 исключить.

Обоснование. Утверждение, что доказательство признается достоверным, если оно соответствует действительности, лишено смысла. С помощью доказательств определяется, что было в действительности, а не наоборот.

22. Пункт 1 части 3 статьи 70 исключить.

Обоснование. Норма предлагается к исключению в связи с отсутствием критериев достаточности физических или психических недостатков свидетеля для принятия решения о невозможности его допроса.

23. Пункт 4 части 3 статьи 70 изложить в следующей редакции: «4) священнослужители – об обстоятельствах, которые стали им известны из исповеди».

Обоснование. Приводит редакцию пункта в соответствие с Федеральным законом «О свободе совести и о религиозных объединениях» (ст. 3, п. 7).

24. Пункт 2 части 4 статьи 70 изложить в следующей редакции: «2) супруг против супруга, дети (усыновленные) против родителей (усыновителей) и родители (усыновители) против детей (усыновленных)».

25. Пункт 5 части 4 статьи 70 изложить в следующей редакции: «Уполномоченный по правам человека в Российской Федерации, уполномоченные по правам человека в субъектах Российской Федерации – в отношении сведений, ставших известными в связи с осуществлением ими своих полномочий».

Обоснование. Должности уполномоченных по правам человека в субъектах Российской Федерации могут учреждаться в соответствии с Федеральным конституционным законом «Об Уполномоченном по правам человека в Российской Федерации» (ст. 5).

26. Часть 2 статьи 78 изложить в следующей редакции: «2. Не может быть использована в качестве доказательства звукозапись или видеозапись, полученная с нарушением закона».

Обоснование. Следует учитывать возможность получения звуко- или видеозаписей, полученных не в соответствии с прямым допущением закона и в то же время без нарушения законодательного запрета. Это относится к записям, не нарушающим неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, – например, запись, сделанная скрытым путем на официальном приеме у должностного лица.

27. Часть 2 статьи 79 изложить в следующей редакции: «В исключительных случаях после вступления решения суда в законную силу определением судьи носители звукозаписей и видеозаписей по просьбе лица или организации, от которых они получены, могут быть временно переданы им для изготовления копий, после чего возвращены в суд».

Обоснование. Изготовление копий звукозаписей и видеозаписей не представляет особой сложности, в связи с чем возвращение носителей лицам, от которых они были получены, представляется излишним.

28. В части 1 статьи 80 слово «управлению» заменить словом «учреждению».

29. В части 1 статьи 82 слова «подписавшем документ» заменить словами «подпись которого имеется на документе».

30. Дополнить статью 85 частью 3 следующего содержания: «3. О проведении экспертизы без допуска лиц, участвующих в деле, суд выносит определение».

31. Второе предложение части 1 статьи 97 изложить в следующей редакции: «Если указанная просьба заявлена обеими сторонами, то требуемые суммы вносятся сторонами в равных частях».

32. Дополнить часть 1 статьи 97 третьим предложением следующего содержания: «Если вызов свидетелей, назначение экспертов, привлечение специалистов и другие действия, подлежащие оплате, производятся по инициативе суда, то требуемые суммы относятся за счет соответствующего бюджета».

33. Пункты 2 и 3 части 2 статьи 132 изложить в следующей редакции: «2) наименование истца, его место жительства (номер телефона, другие средства связи – при их наличии) или, если истцом является организация, ее местонахождение (номер телефона, другие средства связи – при их наличии), а также наименование представителя и его адрес (номер телефона, другие средства связи – при их наличии), если заявление подается представителем; 3) наименование ответчика, его место жительства (номер телефона, другие средства связи – при их наличии) или, если ответчиком является организация, ее местонахождение (номер телефона, другие средства связи – при их наличии)».

Обоснование. Дополнения необходимы в целях повышения гарантий явки сторон и своевременного рассмотрения дел.

34. В пункте 7 статьи 132 слова «или предусмотрено договором сторон» исключить.

Обоснование. Договор сторон не может служить препятствием для обращения в суд. Права человека, в том числе право на судебную защиту прав и свобод (ст. 46, ч. 1 Конституции РФ), могут быть ограничены только федеральным законом (ст. 55, ч. 3 Конституции РФ).

35. В пункте 6 статьи 133 слова «или договора».

Обоснование. См. обоснование к поправке 34.

Обзор подготовил Лев Левинсон

Использованы материалы: Независимого экспертно-правового совета (Москва) и Центра законодательной и парламентской работы (Москва).

Выделения в тексте принадлежат автору.

Политические и религиозные преследования в СНГ**Россия снова выдает в Узбекистан политических беженцев, на этот раз активистов исламской партии «Хизб ут-Тахрир»**

В Москве в ходе совместной операции Управления по борьбе с терроризмом ФСБ РФ, Главного управления уголовного розыска МВД РФ и ГУВД Москвы в мае 2001 года был задержан гражданин Республики Узбекистан, активист исламской партии «Хизб ут-Тахрир» Нодир Алиев, ранее объявленный в розыск узбекскими властями по ст. 159, ч. 3 УК РУ (посягательство на конституционный строй). Но уже через три дня (!) Генеральная прокуратура РФ положительно решила вопрос о выдаче задержанного, и он был немедленно этапирован в Узбекистан.

Справка: Алиев Нодир Баходирович, 24.06.1973 г.р., уроженец Ташкента, узбек, образование высшее (окончил Ташкентский текстильный институт), женат, имеет 2 детей (возраст 11 месяцев и 2 года), прописан по адресу: г. Ташкент, Акмал-Икромовский район, проезд Марс, д. 7. Из-за преследований по политическим мотивам в начале 2000 г. вместе с семьей переехал в Москву, где зарегистрировался по адресу ул. Декабристов, д. 21, кв. 18. Алиева как члену «Хизб ут-Тахрир» вменяются в вину «публичные призывы к неконституционному изменению существующего государственного строя, захвату власти или отстранению от власти законно избранных или назначенных представителей власти», совершенные «в интересах организованной группы».

Сразу после задержания Алиева представители правоохранительных органов РФ сделали заявления для прессы, в которых безосновательно утверждали, что «Алиев подозревается в причастности к терактам» (Время новостей, 2001, 30 мая.); что несколько сторонников «Хизб ут-Тахрир» «были приговорены к длительным срокам лишения свободы за серию взрывов в Ташкенте в 1999 г.» (Коммерсантъ 2001, 30 мая.); что «планы поэтапной исламизации включают насильственное установление шариатских форм правления первоначально в Узбекистане и соседних с ним государствах, а в дальнейшем в регионах Российской Федерации» (Интерфакс, 2001, 29 мая.) и т.д. Между тем эксперты ФСБ не могут не знать, что организация «Хизб ут-Тахрир» категорически отвергает вооруженные методы борьбы за власть и не идет на политические союзы ни с какими другими исламскими группами, включая Исламское движение Узбекистана, т.н. «ваххабитов» и т.п. Абсолютно не соответствует действительности и регулярно повторяемое властями утверждение, что «Хизб ут-Тахрир» стремится расколоть Узбекистан, а его главной целью является создание некоего «Ферганского халифата».

Ложные заявления о связях «Хизб ут-Тахрир» с терроризмом очевидно имеют целью создать благоприятную почву для выдачи Алиева и другого активиста этой организации, задержанного в Перми, в Узбекистан, где невозможно рассчитывать на справедливое судебное разбирательство. Между тем Минская конвенция стран СНГ, являющаяся правовой базой для экстрадиции задержанных узбекских граждан, допускает выдачу лишь в тех случаях, когда действия подозреваемого оцениваются как уголовно наказуемые по законам обоих государств.

Можно уверенно заявить, что Алиев не совершал действий, которые рассматриваются как преступные по российским законам. Более того, не существует книг, журналов и листовок «Хизб ут-Тахрир», в которых бы содержались призывы к вооруженной борьбе с правительством какой-либо страны.

В листовке «Хизб ут-Тахрир» выпущенной 20 апреля 1999 г. специально в связи с ташкентскими взрывами, подчеркивается: «Хизб ут-Тахрир» является политической партией, основанной на Исламе. Она никогда не использует оружие и насилие. Не занимается террористическими актами, взрывами и грабежами. И никогда не делает ни одного шага в этом направлении. Партия не применяет насилие не потому, что боится правителей и их насилия, а потому, что в деле призыва к восстановлению Исламского государства руководствуется предначертаниями Посланника Аллаха (мир и благословение ему), в которых нет места насилию».

В действительности узбекские власти преследуют членов «Хизб ут-Тахрир» не за их причастность к терроризму, а за открытую критику репрессивной политики Ислама Каримова, вызывающей осуждение не только у верующих.

Как известно, члены «Хизб ут-Тахрир» не имеют права скрывать свою принадлежность к этой организации. Тысячи членов этой партии осуждены в Узбекистане за последние 2,5 года, многие из них брошены в лагерь смерти Жаслык, известны имена около 10 человек, которые были зверски умерщвлены на стадии «предварительного следствия». Нельзя допустить, чтобы исламские активисты были выданы из России в Узбекистан и подверглись чудовищным пыткам и несправедливому осуждению только за то, что свободно излагали свои взгляды и объединились в политическую организацию вместе со своими единомышленниками.

Отметим, что правоохранительные органы РФ не только дезинформировали депутатов Госдумы РФ, общественность и прессу о мотивах задержания Алиева, но и допускали прямое нарушение закона. Так, задержанному отказывали во встрече с адвокатом, три недели скрывая (так же как и от родственников) местонахождение и правовой статус его клиента.

Помимо этого сразу же после выдачи Алиева органы ГУВД Москвы 2 июня 2001 г. отказались продлить временную регистрацию семьи Алиева как «родственников террориста», в результате чего его жена вместе с двумя малолетними детьми вынуждена была покинуть арендуемую квартиру.

Считаем необходимым приостановить вновь возобновившуюся практику неправового разрешения ходатайств об экстрадиции беженцев по политическим мотивам, в частности, из стран СНГ, особенно тщательно рассматривая запросы о выдаче в Узбекистан незаконно преследуемых там членов организации «Хизб ут-Тахрир».

*Виталий Пономарев,
Информационный центр по правам человека
в Центральной Азии,
Валентин Гефтер,
Институт прав человека*

Методики правозащитного движения**Вид на жительство соотечественнику**

После развала СССР многие жители бывших советских республик переезжают в Россию на постоянное место жительства. Приезжают и в Калужскую область. Имеющие родственников, прописываются у них (регистрируются по месту жительства). Большинство приезжих не имеют в России жилья, а значит и постоянной прописки. Поэтому они вынуждены снимать частные квартиры и регистрироваться по месту пребывания, а не жительства.

Когда люди бессильны защитить свои права, они обращаются в правозащитные организации. С осени 2000 года в Обнинскую региональную правозащитную группу все чаще стали обращаться за помощью люди, недавно приехавшие из бывших советских республик, и те, кто многие годы живет в Калужской области.

До октября прошлого года переселенцы как-то устранились: находили жилье, прописку, работу, оформляли гражданство России, получали статус вынужденного переселенца, — и только тогда Миграционная служба (МС) предоставляла им положенные по закону льготы. (Характерно, что МС отказывается помогать людям, только что приехавшим в Россию и не имеющим жилья, прописки, гражданства, работы — именно тогда когда помощь необходима. Более того, людям предлагают самим устроиться и уж потом обращаться в МС). До прошлой осени мигрантам, приезжающим в Россию, власти не торопились помочь, но и не препятствовали.

Все изменилось в октябре 2000 года. Из соотечественников приезжающие в Россию граждане бывших советских республик усилиями паспортно-визовой службы (ПВС) превратились в нежелательных иностранцев.

Предлагаем вниманию читателей несколько таких историй (стиль и орфография оставлены без изменений): 1. Заявление ветерана ВОВ, 1914 года рождения В.И. Сиротенко. «После длительной болезни ушла из жизни моя жена. Оставшись без родных в городе Днепропетровске, обратился к своей дочери взять меня к себе в город Обнинск. Отпросившись с работы на неделю, дочь сопроводила меня к своему месту жительства. По состоянию здоровья я не мог поменять свой паспорт, полученный в 1980 году, на украинский, который надо было ждать три месяца. В Харькове и Белгороде меня пропустили с моим паспортом без претензий. В паспортном отделе Обнинска потребовали украинский паспорт или мой выезд в Москву, в Украинское посольство, для уплаты 200 долларов. Без выполнения данных требований в Обнинске не выдают мне пенсию от Министерства обороны за май и июнь месяцы. Для выезда в Украину для обмена паспорта или выезда в посольство для уплаты 200 долларов не имею ни физических ни денежных средств. Дальше существовать на одну пенсию дочери-пенсионерки невозможно.

Прошу Вашей помощи в родном Обнинске, в котором я жил, служил и безупречно трудился более 25 лет, с 1956 г., с периода его основания, до 1982 г., ухода на пенсию».

2. В.Н. Каюмов, родился в РСФСР, почти всю жизнь прожил в Жуковском районе Калужской области. В 1982 г. уехал к жене на Украину. В прошлом году Каюмов вернулся в Россию, в Обнинск, где живет его сестра, у которой он и зарегистрировался по месту пребывания. В. Каюмов — гражданин Украины, в России он — иностранный рабочий, испытывающий трудности с трудоустройством. В паспортно-визовой службе

отказались взять у В. Каюмова заявление на восстановление гражданства в России: якобы нет оснований разрешить ему жить в России, т.к. сестра — не близкий родственник. Называется, человек вернулся на родину. Квалифицированного сварщика В. Каюмова без гражданства не принимают на постоянную работу.

3. Назим Амрастанов приехал в Калугу из Азербайджана в 1997 г. С тех пор постоянно живет и работает в Калуге, снимает жилье и регистрируется по месту пребывания на частных квартирах. Двое его детей 12 и 13 лет учатся в школе. Н. Амрастанов хочет остаться жить в Калуге. В ноябре 2000 г. у Н. Амрастанова закончилась очередная регистрация и он обратился в паспортный стол за продлением регистрации. В паспортном столе сказала и, что они этим больше не занимаются и послали Н. Амрастанова в ОВИР, где согласились дать регистрацию только на месяц и то, если Н. Амрастанов подпишет обязательство через месяц уехать из России. Только послал жалобы в прокуратуру, в паспортно-визовую службу и в ОВИР Н. Амрастанов получил письменный отказ в регистрации от ПВС, с требованием оформить заграничный азербайджанский паспорт. «Ходатайства об оставлении на постоянное жительство в РФ граждан государств-участников СНГ, временно пребывающих в РФ, рассматриваются при наличии у них национального заграничного паспорта», — ответил Н. Амрастанову заместитель начальника ПВС УВД Калужской области М.И. Сухотинов. Н. Амрастанову отказали и в приеме документов на приобретение гражданства России. Так, законопослушного иммигранта, паспортно-визовая служба превратила в нелегала, которого на каждом шагу задерживают и штрафуют милиционеры. А ведь, прожив в России три года, Н. Амрастанов по закону получил право на российское гражданство!

4. Пенсионный фонд также нарушает права граждан, отказываясь платить пенсию пенсионерам, если они не зарегистрированы по месту жительства.

Т.Г. Милько приехала из Молдовы в Обнинск к сыну на постоянное место жительства в 1999 г. Сын живет в общежитии, а ее в общежитие не прописывают, она вынуждена снимать комнату и поэтому зарегистрирована в Обнинске по месту пребывания на 5 лет. Регистрации по месту жительства у нее нет.

Т.Г. Милько неоднократно пыталась подать в ПВС г. Обнинска заявление о восстановлении российского гражданства, на которое имеет право, т.к. родилась в Воронежской области. Молдавского гражданства Тамара Георгиевна не принимала, у нее советский паспорт. Однако в ПВС г. Обнинска у нее отказались даже принимать заявление на восстановление гражданства. Никакого письменного отказа в гражданстве, разумеется, в ПВС Т. Милько не дали. А пенсионный фонд г. Обнинска отказал Тамаре Георгиевне в назначении пенсии, несмотря на то, что она с 1999 года постоянно живет в Обнинске.

Приведенные факты свидетельствуют о том, что политика государства в отношении граждан бывшего СССР, приехавших на постоянное место жительства в Россию изменилась.

До осени прошлого года в паспортно-визовой службе разделяли иностранцев на жителей дальнего и ближнего зарубежья. Приезжих из ближнего зарубежья прописывали по тем же правилам что и российских граждан. Находил человек жилье, где его соглашались прописать, подавал заявление в паспортный стол и его обязаны были зарегистрировать по месту пребывания

или жительства. С октября 2000 г. жителям бывшего СССР, постоянно живущим в России и не имеющим российского гражданства, стали выдавать вид на жительство. И это правильно, особенно, если представить следующую ситуацию: живет в России бывший гражданин СССР с советским паспортом. Российского гражданства он не имеет, да и другого гражданства тоже. В случае утери советского паспорта, гражданин остается без удостоверения личности.

Вот вид на жительство и является таким документом для жителей России, не имеющих российского гражданства. Беда в том, что чиновники паспортно-визовой службы этот самый вид на жительство не дают! Говорят: сначала нужно решить вопрос об оставлении этого иностранца, — (зачем он только сюда ехал?! — на постоянное жительство в России. А для этого должны быть уважительные причины, например, брак с гражданином России или воссоединение семьи.

Без вида на жительство не регистрируют по месту жительства даже в собственной, купленной вами квартире. И по месту пребывания вас регистрируют только на 1 – 2 месяца, с условием: по истечении срока регистрации покинуть Россию. Без регистрации вам не станут платить пенсию, не дадут медицинский полис. Без российского гражданства вы – иностранный рабочий и не можете устроиться на постоянную работу, и вообще ни на какую приличную работу вас не берут.

Кроме того, с октября 2000 г., приехавших на постоянное жительство в Россию, в ПВС требуют оформления заграничного паспорта той страны, которую они покинули...

Из Калужской области нетрудно съездить в Москву, а из Новосибирска, куда тоже приезжают мигранты? Да и стоит оформление национального заграничного паспорта сотни долларов. Кроме того, многие мигранты просят российское гражданство, после оформления которого, например, украинский заграничный паспорт превращается в красивую бумажку за двести долларов на память: Украина не признает двойного гражданства. Причем заграничный паспорт требуют и с тех, кто уже несколько лет живет в России. До осени 2000 г. их прописывали по обычному, а не по заграничному паспорту.

Неужели до октября 2000 года в России были одни законы, а с октября – другие? Нет, Законы не изменились. Более того, в последнее время Президент и Правительство активно обсуждают концепцию миграционной политики России. Сейчас в России число умирающих заметно выше числа рождающихся. «Поэтому, — считает премьер-министр М. Касьянов, — «миграция и иммиграция необходимы России с учетом сложившейся демографической ситуации в стране». И президент В. Путин говорит о необходимости разумного поощрения иммиграции в РФ «вне зависимости от расовой и национальной принадлежности». Государственная Дума, Правительство, Президент страны занимаются проблемами миграционной политики, принимают законы, обсуждают концепцию миграционной политики. Зачем? Министерство внутренних дел направляет в паспортные столы письмо, запрещающее регистрировать мигрантов по месту жительства, выдавать вид на жительство без заграничного паспорта. Приказ и пара писем МВД изменили политику нашего государства! Генерал МВД «главнее» Президента России...

С 1 октября 2000 г. на территории Российской Федерации введен Порядок документирования видами на жительство граждан государств-участников СНГ, в соответствии с которым, постоянно проживающие на территории Российской Федерации граждане государств-участников СНГ при наличии действительных национальных документов, удостоверяющих их личность

и гражданство, подлежат документированию видами на жительство для иностранных граждан.

В соответствии с пунктом 28 действующих Правил пребывания иностранных граждан в СССР, утвержденных постановлением Кабинета Министров СССР от 26 апреля 1991 года № 212, виды на жительство иностранным гражданам выдаются органами внутренних дел по месту их жительства на срок действия заграничных паспортов.

«Порядок документирования видами на жительство граждан бывшего СССР, постоянно проживающих на территории РФ и документально не подтвердивших свою принадлежность к гражданству какого-либо государства-участника СНГ, и граждан государств-участников СНГ», объявлен письмом ПВУ МВД от 22.08.2000 г. № 1/15651, Методическими рекомендациями по документированию видами на жительство..., объявленным письмом ПВУ УВД Калужской области от 04.10.2000 г. № 13/2937.

Письмо ПВУ МВД от 22.08.2000 г. № 1/15651, «Порядок документирования видами на жительство...» и «Методические рекомендации...» (письмо ПВС УВД Калужской области от 4.10.2000 г. № 13/2937) — не опубликованы официально и не прошли регистрацию в Минюсте. Эти неопубликованные письма существенно ограничили права тысяч иммигрантов, законно находящихся на территории РФ (в том числе тех, кто имеет право на российское гражданство и на статус вынужденных переселенцев или беженцев) на свободу выбора места пребывания и жительства на территории РФ.

Но, это же незаконно! По Конституции (ст. 55, ч. 3) права и свободы человека (в том числе право выбора места пребывания или жительства) могут быть ограничены только Законом России, а не ведомственными инструкциями, приказами или письмами МВД, которые к тому же нигде не опубликованы и не прошли регистрацию в Министерстве юстиции. Любые правовые акты, затрагивающие права, свободы и обязанности человека, не могут применяться, если они не опубликованы официально для всеобщего сведения (ст. 15, ч. 3 Конституции).

Статья 27 ч. 1 Конституции гласит: «Каждый, кто законно находится на территории Российской Федерации имеет право свободно передвигаться, выбирать место пребывания и жительства». В соответствии с ч. 3 ст. 1 Закона «О праве граждан РФ на свободу передвижения, выбор места пребывания и жительства в пределах Российской Федерации» лица, не являющиеся гражданами Российской Федерации и законно находящиеся на ее территории, имеют право на свободу, передвижения, выбор места пребывания и места жительства в пределах Российской Федерации в соответствии с Конституцией и Законами Российской Федерации и международными договорами Российской Федерации.

Как доказать, что вы законно находитесь на территории России? У России с государствами СНГ есть соглашение о безвизовом передвижении: граждане бывших советских республик могут въезжать в Россию и передвигаться по России без виз при наличии удостоверения личности. Вы не обязаны иметь заграничный паспорт, чтобы въехать в Россию. Поэтому вы законно приехали в Россию без визы и с имеющимся у вас паспортом.

Между прочим, Правила регистрации по месту пребывания и жительства для российских граждан, утвержденные постановлением правительства РФ № 713, распространяются и на тех иностранных граждан, кто прибыл в Россию из СНГ и Балтии. (Постановление Правительства № 290 от 12 марта 1997г.). А по этим Правилам регистрация носит уведомительный характер и заграничный паспорт не требуется. Так должно быть по

закону. Ни один закон за год не изменился. Но в паспортном столе чиновники подчиняются приказам и письмам МВД, нарушая при этом Конституцию, законы России и постановления Правительства.

Что делать, если вам отказали в регистрации по месту жительства?

Тогда регистрируйтесь по месту пребывания. Свидетельство о регистрации, хотя бы на месяц, подтверждает законность нахождения гражданина в России. Далее вы обращаетесь в ПВС за видом на жительство, за регистрацией по месту жительства, за получением (или восстановлением) гражданства России. А если вам откажут по мотивам отсутствия заграничного паспорта, (вида на жительство, постоянной прописки, отсутствия уважительных причин для оставления на постоянное место жительство в России и т.п.), – знайте, что этот отказ не основан на законе. А незаконные действия и решения чиновников нужно обжаловать в прокуратуре и суде. Учтите, письменный отказ дают только на ваше письменное заявление! (которое, как правило, у вас не хотят принимать). Поэтому, получив устный отказ в регистрации (гражданстве, виде на жительство, назначении пенсии) – пошлите заявление о регистрации (гражданстве, виде на жительство, назначении пенсии) – заказным письмом с уведомлением о вручении. Тогда вам должны дать письменный ответ (отказ). Одновременно напишите жалобу прокурору города (района) на действия ПВС (или собеса), нарушившей ваши права. Прокуратура всегда дает письменный ответ и, в некоторых случаях, после вмешательства прокурора, в паспортной службе принимают ваши документы. После получения письменного отказа из ПВС (или из прокуратуры), смело подавайте в суд жалобу на действия ПВС, нарушающее ваше право на выбор места жительства (пребывания), гражданство и т.д.

Чиновники регулярно нарушают права людей, не имеющих регистрации по месту жительства (постоянной прописки). По закону в очередь на жилье вас ставят по

месту жительства, пенсию назначают по месту жительства и даже безработным признают по месту жительства. Из-за отсутствия постоянной прописки переселенцам отказывают в постановке в очередь на жилье, не признают безработными, наконец, пенсионерам отказываются платить пенсию. Чиновники сознательно путают фактическое место жительства с понятием «регистрация по месту жительства» (штамп в паспорте). Их действия прямо противоречат закону «О праве граждан на свободу передвижения, выбор места пребывания и жительства», ст. 3 которого гласит: «Регистрация или отсутствие таковой не может служить основанием ограничения или условием реализации прав граждан, предусмотренных Конституцией РФ, законами РФ...».

Поэтому, если есть жилье, в котором вы можете регистрироваться по месту жительства, а паспортно-визовая служба отказала под каким-то предлогом вам в регистрации, – добивайтесь именно регистрации. Жалуйтесь в прокуратуру и в суд. Если вам негде прописаться постоянно, то ссылайтесь на вышеприведенную ст.3 Закона «О свободе передвижения...» и требуйте выплаты пенсии, постановки в очередь на жилье и прочих прав, в случае отказа, – жалуйтесь в Прокуратуру и суд.

В Обнинской правозащитной группе есть опыт ведения таких дел в суде, и мы убедились, что суды решают такие дела на основании Конституции и законов России, а неопубликованные приказы МВД, суды во внимание не принимают! Если вам отказали в прописке, виде на жительство, не принимают заявление на гражданство, отказывают в пенсии и т.п. – обращайтесь за помощью в правозащитные организации.

*Татьяна Котляр,
депутат Законодательного Собрания
Калужской области
Калуга*

В регионах

Ассоциация «ЭГИДА» по защите прав и свобод человека и гражданина

Работа по становлению подлинного гражданского общества должна опираться на регионы. Ведь «все живое растет снизу». И Еврейский автономный округ (ЕАО) в этом плане является типичной российской провинцией. Данное утверждение понимают как в центре, так и в правительстве субъекта Федерации. Подтверждением настоящего является деятельность Московской Хельсинкской группы (МХГ) по созданию Российской Ассоциации региональных правозащитных организаций (РАРПО). Наша местная власть тоже стала уделять серьезное внимание этой проблеме. Созданы и функционируют общественная палата при губернаторе ЕАО, общественный экономический Совет при мэре Биробиджана, проводятся «круглые столы» с лидерами общественных организаций.

Координаторы МХГ, работающие в ЕАО по программам «Соблюдение избирательных прав человека», «Мониторинг нарушений прав человека», очень быстро поняли, что один в поле не воин и необходимо как для сбора информации, так и для реализации конкретных правозащитных программ опираться на организованные группы людей – общественные организации. Результатом такой деятельности координаторов МХГ в округе явилось создание коалиции общественных организаций области.

В состав коалиции вошли следующие организации: Ассоциация «Эгида» по защите прав и свобод человека и гражданина в Еврейском автономном округе, общественные организации – «Культура XXI век», «Сострадание», «Союз женщин Биробиджана», «Деловой инициативный народ автономии», «Провинция», «Правозащитник», Центр защиты молодежи от насилия «Позитив», Центр экологической инициативы «Бастак», Переселенческая община, городское общество инвалидов, отделение российского детского фонда по ЕАО, студенческий клуб «Наутилус» и многие другие.

Коалиция организовала Координационный совет общественных организаций, который проводит ежемесячные собрания, «круглые столы» с мэрией, ярмарку, тренинги и конференции общественных организаций области. Ежегодно один из учредителей коалиции – заместитель председателя Комиссии по правам человека при губернаторе ЕАО приглашается на областное радио и телевидение в передачи, посвященные Дню правозащитника, Дню Конституции РФ, выборам и т.д. Подписан договор с мэрией Биробиджана о социальном партнерстве в проведении конкурса «Муниципальный народный защитник» среди общественных организаций.

В журнале ИСАР-ДВ «Записки с Дальнего Востока» № 4, 2000 г. А. Рынков и Ю. Рынкова опубликовали проблемную статью «Дорога к гражданскому обществу. На чем спотыкается идущий?», в которой обсудили проблемы соблюдения прав

человека на региональном уровне. Эта статья вызвала много откликов в разных регионах Дальнего Востока. Вопросы, поднятые в статье, обсуждались в органах исполнительной и законодательной власти. Первые отклики были опубликованы в журнале ИСАР-ДВ «Записки с Дальнего Востока» № 6, 2000 г., а также на сайте (www.citizens.ru) международной Ассоциации «Коалиция «Мы, Граждане!»

В апреле 2000 года координатор Ассоциации «ЭГИДА» приняла участие в Конференции ЮНЕСКО «Защита прав человека: защита прав студента и школьника». Ее доклад «Роль Уполномоченного по культурным, социальным и экономическим правам человека по исправлению деформации культурной среды на Дальнем Востоке» был опубликован в сборнике материалов МГИМО.

Результатом всей вышеописанной работы, а также постоянных собеседований в областной и городской администрациях, Департаменте судов, прокуратурах является формирование в органах власти и обществе убежденности о необходимости и возможности гласной и активной работы в автономном округе Комиссии по правам человека и Уполномоченного по защите прав человека.

В будущем, мы надеемся, при поддержке МХГ нам удастся организовать, например, постоянно действующий семинар, который может проводить в нашей области Василий Глотов, доктор технических наук, человек, стоявший у истоков создания конструкторского бюро завода «Дальсельмаш» в Биробиджане, который в настоящее время избран Уполномоченным по правам человека Амурской области. Также мы надеемся, что при содействии Московской Хельсинкской группы нам удастся проводить совместные молодежные правозащитные проекты 4 регионов: ЕАО, Амурской области, Хабаровского и Приморского краев. При нашей поддержке, а также при сотрудничестве с нами, в этих регионах созданы (и создаются) партнерские молодежные правозащитные организации студентов юристов и экономистов.

*Анатолий Рынков,
председатель совета Ассоциации «ЭГИДА»,
Биробиджан*

Хорошая идея должна развиваться

Тамбовская областная рабочая группа Российской секции Международного общества прав человека – добровольное объединение правозащитников была создана в 1993 году. Группа работает на базе юридического факультета Тамбовского государственного университета им. Г.Р. Державина, что определило основные направления ее деятельности: просвещение в области прав человека (лекции, семинары, издательская деятельность); оказание бесплатной юридической помощи населению; экспертиза федеральных и местных юридических актов; исследование проблем обеспечения прав различных категорий населения.

С Московской Хельсинкской группой (МХГ) тамбовские правозащитники контактировали давно, – подписывали ее заявления и обращения, участвовали в семинарах и конференциях. Однако полномасштабное сотрудничество началось с участия в проекте «Мониторинг прав человека в России».

Нужно признать, что эффективность этого проекта вначале вызывала у нас сомнения. Не очень-то нынешние российские власти, в том числе региональные, реагируют на обвинения в нарушении прав человека, тем более со стороны «так называемых правозащитников», которые получают иностранные гранты и на эти деньги «подрывают» Россию изнутри. Тем не менее, решили попробовать, исходя из того, что МХГ организация авторитетная и заведомо несерьезные проекты реализовывать не будет.

К проведению мониторинга привлекли в качестве волонтеров около 200 студентов Тамбовского государственного университета (ТГУ) им. Г.Р. Державина, что позволило составить достаточно полную картину положения с правами человека в Тамбовской области.

Трудно сказать, изменят ли материалы мониторинга ситуацию с правами человека в лучшую сторону, но польза его очевидна уже сейчас. Студенты получили навыки сбора и анализа информации, необходимые будущим юристам «приобщились» к правозащитным проблемам, о которых многие из них знали понаслышке, не представляя их значимости и масштабности. Да и преподаватели получили много новой, подчас неожиданной информации, которую можно использовать и в учебном процессе, и в правовом просвещении, и при подготовке рекомендаций органам власти, местного самоуправления, правоохранительным органам. Результаты мониторинга уже частично «озвучили» на семинаре руководящих работников областного управления внутренних дел. Они вызвали большой интерес присутствующих: оказалось, что многие «свои» проблемы милиционеры в полной мере не представляли.

Известно, что один из признаков хорошей идеи – возможность ее развития. К мониторингу это относится в полной мере. Мы решили в дальнейшем проводить силами студентов юридического факультета ТГУ им. Г.Р. Державина учебные мониторинги. Со следующего учебного года в курс «Права человека» включается специальный раздел: «Мониторинг прав человека». Студенты узнают, что такое мониторинг, познакомятся с методикой его проведения, а затем применят полученные знания на практике: подготовят доклад о положении с правами человека в Тамбовской области. Такие мониторинги будут проводиться ежегодно, станут частью учебного процесса, одним из компонентов подготовки будущих юристов.

В свою очередь, МХГ заинтересовала наша инициатива по созданию в ТГУ им. Г.Р. Державина кафедры ЮНЕСКО по правам человека и демократии. Можно надеяться, что объединенными усилиями правозащитников, к которым подключится теперь и МХГ, сеть кафедр ЮНЕСКО в России расширится, они станут научными и методическими центрами правозащитного движения, поднимут его на новый качественный уровень.

*Владислав Помогаев,
председатель Тамбовской областной рабочей группы
Российской секции МОПЧ, заведующий кафедрой ЮНЕСКО
по правам человека и демократии ТГУ им. Г.Р. Державина,
Тамбов*

Интервью**«Когда речь идет о спасении жизней,
переговоры ведут даже с террористами»**

26 июня 2001 года на сайте: <http://www.washonline.org> «Вашингтон-Онлайн», программы Международного центра, было опубликовано интервью с известным правозащитником, лидером общероссийского движения «За права человека», Львом Пономаревым. «Вашингтон-Онлайн» (Washington Online) – регулярная публикация, осуществляемая Международным центром в столице США Вашингтоне и рассылаемая бесплатно в электронном виде всем желающим. Международный центр – независимая негосударственная исследовательская организация, занимающаяся развитием международных гуманитарных программ. Руководитель русской программы – Николай Злобин. Предлагаем вниманию читателей интервью со Львом Пономаревым.

Вопрос: Что, на Ваш взгляд, происходит в Чечне?

– В Чечню я давно не ездил, зато был в лагерях чеченских беженцев и имел возможность подробно беседовать с людьми, которые пострадали от войны – некоторые из них годами живут в хлеву! – но, по крайней мере, остались живы. Очень важно понимать их настроение. Они, откровенно говоря, «несут» всех: ругают боевиков, российскую власть, нельзя сказать, что они особо любят Д. Дудаева и А. Масхадова... Но абсолютно точно они не приемлют новую чеченскую администрацию – А. Кадырова и компанию – и требуют от российской стороны начала переговоров с А. Масхадовым. Именно с А. Масхадовым! Причем если проводится подобное голосование, то 95% опрашиваемых беженцев обязательно голосует за переговоры с А. Масхадовым. Его признают легитимным президентом – это очень важно. Мы, в антивоенном комитете (российский общенациональный комитет «За прекращение войны и установление мира в Чеченской Республике». – Прим. ред.), ориентируемся на мнение беженцев, поскольку они имеют постоянные контакты с Чечней.

Вопрос: А что ждет нас в будущем?

– Понятно, что это бесконечно тлеющая война. У нас нет никакого будущего. Но человеческие смерти заставляют нас быть особенно активными. Если бы люди не погибали в Чечне, то можно было бы спокойно ждать развития событий и заниматься своими делами – в России ситуация с правами человека безобразная.

Но ведь нужно помнить о том, что каждый день там погибает 2 – 3 российских солдата и 20 – 30 мирных граждан. Причем мирные граждане погибают, не имея за собой никакой вины. Но даже если какая-то вина есть, это еще не значит, что они заслуживают смерти.

Я уже не говорю о боевиках, хотя и о них подумать бы стоило. Очень часто боевиками становились представители чеченской элиты. Представьте, что Вы живете в Чечне, на Ваш дом бросают бомбу, погибают отец, жена, дети... Что Вы сделаете? – Возьмете в руки оружие! Если бы подобное случилось со мной, то я бы точно взял в руки оружие, вне зависимости от того, желаю я независимости Чечни или хочу, чтобы она осталась в составе России.

Человеку, у которого погибли близкие, все безразлично. Он мстит за зло, которое принесли ему российские войска. Я был свидетелем того, что натворили в Чечне российские войска в первую войну. Весь мир это знает. На языке законодателей это называется «непропорциональное использование военной силы».

Конечно, в Чечне есть самые настоящие бандиты, которые отрезают головы, пытаются наших солдат и берут людей в заложники. Но вместо того чтобы ликвидировать этих бандитов, ведется настоящая крупномасштабная война. Она приняла тлеющий характер, но она идет.

Вопрос: К чему это может привести?

– Мне кажется, что неизбежны переговоры с А. Масхадовым.

Вопрос: Чечня останется частью России?

Пономарев: В правозащитном сообществе существуют разные точки зрения. Есть рецепт, который был выработан на Чрезвычайном съезде в защиту прав человека, чеченская секция которого была самой острой и вызвала горячие споры. Тем не менее люди договорились и проголосовали за это предложение практически единогласно. **Рецепт элементарный: провести референдум среди всех, кто проживал в Чечне до 1991 года. В основном они живут в Чечне и Ингушетии, а те, кто рассеялся по России, легко доступны благодаря Миграционной службе.** Для того чтобы бывшие жители Чечни пришли на референдум, достаточно объявить об этом по главным каналам телевидения. Если человек не хочет голосовать – ради Бога. Технически проблема разрешается очень просто. А как участники референдума решат судьбу Чечни – пусть так и будет.

Конечно, для обеспечения процедуры выхода Чечни из состава Российской Федерации нужна поправка к Конституции РФ. Но ведь процесс самоопределения – не минутное дело. Если на референдуме будет принято такое решение, то придется делать и поправку – иного пути нет.

На первый взгляд все это выглядит фантастически. Но то, что происходит в Чечне, это тоже нечто фантастическое: на территории страны идет война, и каждый день погибают по меньшей мере 20 мирных граждан. Подумайте!!! Если террорист взорвал дом, в котором погибли 40 человек, то объявляют общенациональный траур. А в Чечне за неделю погибает впятеро больше людей!

Но эти цифры как-то не сопоставляются в головах у наших людей. Все привыкли, что в Чечне кого-то убивают. Это ужасно! Ведь гибнут женщины и дети.

Вопрос: А каковы сегодня настроения в России? Когда антитеррористическая операция начиналась, настроения в обществе были явно античеченскими.

– Ситуация очень сильно изменилась по сравнению с 1999 годом. После взрывов домов в Москве – до сих пор мы не знаем, кто совершил эти очень вовремя организованные взрывы, – 80% населения были за то, чтобы чеченцев «мочить в сортирах», как на уголовном жаргоне «изысканно» выразился президент. Только 20% россиян были за мирные переговоры.

Сейчас около 50% людей выступают за мирные переговоры и около 40% – за военное решение. 10% – это больше, чем статистическая неопределенность. То есть можно уверенно сказать, что большая часть населения России выступает за прекращение войны. Справедливости ради стоит признать, что эти люди не занимают активную позицию – скорее, они устали от войны и видят ее бесперспективность.

Вопрос: Как к Вам относятся, когда Вы приходите в некий орган государственной власти России и говорите: «Давайте начнем переговоры с А. Масхадовым»?

— Мы не ходили в органы государственной власти — это бессмысленно. Мы написали письмо В. Путину и А. Масхадову. А. Масхадов ответил, подтвердив, что готов на переговоры без всяких предварительных условий, и приветствовал инициативу нашего комитета. От В. Путина ответа до сих пор нет. Примечательно, что А. Масхадов ответил нам в течение месяца — строго в соответствии с российским законодательством. В. Путин даже отрицательного ответа не дал, то есть нарушил закон, поскольку мы послали официальный запрос...

Вопрос: Читая материалы Мовлади Удугова, главного пропагандиста Ш. Басаева и Хаттаба, складывается впечатление, что весь народ Чечни как один человек ненавидит Россию и русских. Что Вы можете об этом сказать?

— Я эти материалы не читаю, у меня нет времени. Когда я встречаюсь с беженцами, меня поражает, с какой доброжелательностью и пиететом они ко мне относятся. У них сохраняется еще некая советская ментальность: если приехал человек из Москвы, то он поможет. Нет физиологической ненависти к русским. Хотя, если честно, меня это удивляет. Ведь наши самолеты и танки разрушали их дома, убивали их близких. В каждой чеченской семье есть погибшие. Но ненависти нет, скорее всего потому, что есть понимание, что это делала власть, а не люди. Поэтому у меня нет такого впечатления, о котором вы говорите.

Хотя бытовой национализм был, есть и будет. Чеченцы выдвигали русских в начале 90-х годов. Но этот процесс происходил всюду. Возьмите Туву! Там русских просто третировали. Я еще студентом приезжал в Туву и видел, какие страшные вещи там происходят.

А в начале 90-х всплеск национализма был отмечен по всем окраинам СССР — в Прибалтике, на Украине, в Средней Азии, на Северном Кавказе, в Татарстане. В нашем многонациональном государстве надо иметь мудрость и терпение, чтобы вести национальную политику.

Вопрос: В России проводится реальная национальная политика, нацеленная на повторение чеченского варианта развития событий?

— По большому счету ведется не очень умная политика.

Вопрос: Война в Чечне, в частности, оправдывается тем утверждением, что если не задавить зародыш сепаратизма в Чечне, то Россия развалится.

— Развала не будет. Давайте поразмышляем о Чечне: с одной стороны Чечня завоевала право выхода из России. С другой стороны, если эта истерзанная страна разделится, ею, скорее всего снова будут править бандиты, и А. Масхадов с ними не справится. С моей точки зрения, было безвозвратно упущено время после переговоров А. Лебеда — Россия должна была экономически помогать А. Масхадову. А. Масхадов этого хотел, он умолял об этом. И тогда, по-моему, все было бы нормально, А. Масхадов смог бы обезвредить бандитов.

А так как в России было несколько экономических и властных центров, имеющих свои интересы в Чечне, то все боялись усиления А. Масхадова и делали все, чтобы его ослабить — например, помогали Ш. Басаеву.

Вопрос: Неужели есть данные о том, что московские структуры поддерживали Ш. Басаева?

— В этом нет никаких сомнений. Так что, хотя время упущено, надо идти по этому же пути и поддерживать А. Масхадова. Утверждения о том, что он не владеет обстановкой, — неправда. Все наши эксперты-чеченцы утверждают, что в период войны все чеченское общество консолидировано и он реальный главнокомандующий.

Но, конечно, переговоры надо вести не только с ним, а с наиболее влиятельными полевыми командирами. С Ш. Басаевым надо вести переговоры несмотря на то, что, возможно, вполне оправданы утверждения прокуратуры, что его деятельность подпадает под определение «терроризм». Но с террористами тоже надо вести переговоры. Пример известен: Израиль ведет переговоры с Арафатом, хотя он был официально признан террористом. С террористами ведут переговоры, когда речь идет о спасении жизни.

Вопрос: Есть мнение, что В. Путин никогда не пойдет на такие переговоры, потому что они бы означали провал его политики.

— Я абсолютно с этим не согласен. Имея такой высокий рейтинг доверия, пользуясь безграничным влиянием на средства массовой информации, президент может провести любое непопулярное решение и даже сделать его популярным. Например, используя факт гибели российских солдат, достаточно объявить, что хотя война и надо довести до конца, но для спасения жизни солдат президент будет вести переговоры.

Но уже есть признаки того, что популярность В. Путина снижается. За мирные переговоры выступает более половины россиян, несмотря на противоположное мнение президента.

Вопрос: Вы были в феврале в Вашингтоне. Как за это время изменилась ситуация с правами человека в России?

— За небольшой промежуток времени мало что меняется. Но уже давно наблюдается тенденция к ухудшению ситуации. С соблюдением прав человека в нашей стране всегда было плохо. В советское время было плохо с политическими и гражданскими свободами — свободой совести, свободой печати.

А с 90-х годов была разрушена система социально-экономической защиты граждан, которая была в партийной вертикали: человек всегда мог пожаловаться в райком партии. Экономические права были защищены довольно эффективно действовавшей структурой. Взамен была предложена судебная система, которая работает плохо: работают судьи советской выучки и денег на судьи выделяется мало. И дикий капитализм, который показал, что деньги делают деньги любым способом.

Но с приходом Путина некоторые, судя по всему поддерживаемые президентом, стали пытаться подминать под себя гражданские институты и увеличивать свой вес. Каждый день они захватывают новые плацдармы, и мы просто не успеваем оглядываться. А общество индифферентно. Я думаю, если бы мы имели ресурсы и могли прорваться на главные каналы телевидения, то общество бы задумалось. А так людям «промывают мозги» — и все спокойно. Это изменение ситуации прослеживается очень четко. Заметьте, В. Путин вообще не произносит слов «права человека».

Вопрос: Многие государственные деятели из России, прибывающие в Вашингтон, говорят, что американские СМИ зря рисуют нашу страну черными красками. Вертикаль власти укрепляется, экономическая реформа идет, газеты выходят — все в порядке.

— Я хотел бы задать им только один вопрос: как они относятся к инструкции ФСБ, разрешающей этой структуре работать по анонимным доносам — иметь возможность проводить оперативную разработку, подслушивать, фабриковать уголовные дела на любого человека? Нам говорят, что в Америке это разрешено. Я уверен, что во всем мире спецслужбы работают по анонимным сообщениям. Но при этом они чувствуют, что действуют на грани закона. А в России появляется инструкция, разрешающая заниматься этим официально!

Или принято решение, по которому коммунальные платежи будут оплачиваться в полном объеме. Разговоры про компенсации малоимущим останутся лишь

разговорами, ничего не будет компенсироваться. В первую очередь надо проверить, работает ли система социальной защиты! Мы знаем, что страна живет за счет своих недр – нефти и газа. Этим денег довольно много. Почему же наши граждане не имеют прав на часть этой общенародной собственности? А эти накопления идут в резервы Центрального банка, на войну в Чечне и на будущую избирательную кампанию В. Путина.

Washington Online

Предыдущие номера «Вашингтон-Онлайн», другие материалы российской программы Международного центра вы можете найти на вебсайте: www.washonline.org.

Вы можете принять участие в дискуссии по интересующим Вас вопросам. Чтобы поместить свое мнение, пошлите его по адресу: icrussiaforum@rcn.com.

Адрес Международного центра: The International Center, 731 Eighth Street, S.E., Washington D.C. USA 20003; телефон: (202) 547-3800, доб.102, факс: (202) 546-4784; электронная почта центра: icnfp@erols.com. Электронная почта русской программы: icrussia@rcn.com, wol@washonline.org.

Все выпуски «Вашингтон-Онлайн» надежно защищены от любых компьютерных вирусов. Вы можете подписать на нашу рассылку Ваших друзей или коллег – для этого достаточно прислать нам их адрес электронной почты.

Анонсы

«Международная защита прав человека»

В июле 2001 года в Москве состоялась презентация впервые изданной книги «Международная защита прав человека» (с использованием некоторых международно-правовых механизмов), научно-практическое исследование Центра содействия международной защите (под общей редакцией К.А. Москаленко, авторский коллектив: М. Воскобитова, К. Костромина, Е. Липцер).

Настоящее издание предназначено для широкого круга читателей, в том числе теоретиков и практиков правовой сферы, правозащитников и всех тех, кто сталкивается с необходимостью обращения в Европейский суд и другие межгосударственные органы по защите прав человека.

Первая глава издания содержит материалы исследования по общим вопросам международной защиты прав человека. Вторая глава посвящена органам международной защиты прав человека и правилам обращения в эти органы, а также требованиям приемлемости, предъявляемым к жалобам. В третьей главе книги заключены разделы, посвященные статьям 2, 3, 5, 6, 8, 9, 10 и 11 Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод, а также раздел, касающийся ст. 1 Протокола № 1 к Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод.

В издание включены основные международно-правовые документов по правам человека, а также формуляры обращений и материалы некоторых конкретных дел. Кроме того, при подготовке публикации был использован опыт работы Центра содействия международной защите, который является российской межрегиональной общественной правозащитной организацией, объединяющей профессиональных юристов, в основном адвокатов, а также лиц, профессионально работающих в области защиты прав человека. Центром подготовлены и направлены первые обращения российских заявителей в Комитет по правам человека ООН и Европейский суд по правам человека.

Данная книга посвящена международным механизмам защиты прав человека и существующим в этой области межгосударственным соглашениям, участницей которых является Российская Федерация. В издании содержится анализ основных положений Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод, сделана попытка дать понимание практической ценности тех или иных гарантий прав человека и путей их отстаивания с использованием международно-правовых механизмов защиты нарушенных прав.

«Международная защита прав человека в судебном порядке – относительно новое явление в международной жизни. Ее историю можно отсчитывать от 1950 г. – года принятия Советом Европы Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод, которая впервые предусмотрела механизм защиты прав человека на международном уровне. Понятие международной защиты и возможность функционирования ее механизмов тесно связаны с понятием суверенитета государств. Суверенитет означает, что государство обладает всей полнотой власти на своей территории, самостоятельно осуществляет свою внешнюю и внутреннюю политику, и никакое государство не вправе вмешиваться в осуществление другим государством своих функций. Вторая мировая война показала, что государство может злоупотреблять своим суверенитетом в ущерб иным странам. Возникла необходимость в образовании международных организаций государств, которые могли бы осуществлять определенные контрольные функции с целью соблюдения безопасности мирового сообщества в целом. Первой подобной организацией стала Организация Объединенных Наций, созданная в 1946 г. Позже начали возникать региональные межгосударственные объединения – такие, как Совет Европы (1949 г.)», – говорится в книге «Международная защита прав человека».

Настоящее издание может быть полезно тем, кто желает обратиться в Европейский суд самостоятельно, или тем, кто, будучи юристом, станет составлять обращение от имени своих доверителей.

Соб. корр.,

по материалам Центра содействия международной защите

Боязнь «чужих»

11 июля 2001 года в Москве состоялась презентация русской версии доклада «Антисемитизм, ксенофобия и религиозные преследования в российских регионах: 1999 – 2000». Доклад составлен представителями Объединения комитетов в защиту евреев бывшего Советского Союза (ОКЗЕ) – президентом организации Йозефом Абрамовицем, национальным директором Майка Нафталином, международным директором Леонидом Стоновым и главным редактором – составителем докладов Николаем Буткевичем и другими.

Доклад является вторым в серии ежегодных докладов по данной проблеме.

«Цель этой работы, основывающейся на мониторинге в течение года, состоит в составлении и распространении данных об инцидентах подобного рода в 74 регионах Российской Федерации (из 89), какова бы ни была численность в них еврейского населения. Основной упор в докладе сделан на проявлениях антисемитизма и неонацизма. При этом данный доклад можно считать отражением точки зрения ОКЗЕ по проблеме защиты прав человека в целом и, в частности,

преследования нееврейских национальных и религиозных меньшинств. Так, ОКЗЕ считает, что подобные преследования оказывают пагубное влияние на благополучие и безопасность еврейской общины, традиционно притесняемой и гонимой этнической группы. Похоже, наихудшие черты советского общества, его отношения к еврейскому меньшинству в настоящее время обретают «второе дыхание» (например, навешивание ярлыка «врагов народа» на целую этническую группу чеченцев или объявление малых религиозных групп «сектами», не объяснимые никакими разумными причинами).

Состояние умов, зараженных ксенофобией и жадой «охоты на ведьм», умело поддерживается и подпитывается государством, его политикой в отношении различных меньшинств, проводимой с таким расчетом, чтобы агрессивное неприятие всегда можно было обратить против евреев. Кроме того, антисемитизм в широких слоях общества, а также и на официальном уровне представляет прямую угрозу еврейскому населению, а уровень антисемитизма дает возможность оценивать должным образом и ситуацию с правами человека, и темпы построения гражданского общества и демократических институтов.

Значительная часть данных, приведенных в отчете, получена от Московской Хельсинкской группы, которая осуществила мониторинг ситуации с правами человека в 60 регионах (при финансовой поддержке USAID, организации, оказывающей помощь и Объединению Комитетов в защиту евреев в бывшем Советском Союзе), – говорится в предисловии к изданию доклада.

Рассказывая на презентации доклада о результатах проведенного мониторинга, Майка Нафталин заявил: «Мы и наши российские коллеги приветствуем недавние выступления президента Путина, в которых он обещает довести до победного конца борьбу с антисемитизмом, национализмом и ксенофобией. Но все же одних только слов недостаточно. Необходимы конкретные дела. Доклад Объединения комитетов предлагает вниманию российских и западных государственных лидеров своеобразную «карту ненависти» России, таким образом призывая их к тому, чтобы сделать своим политическим приоритетом конкретные действия по борьбе с антисемитизмом и другими подобными феноменами».

Объединение комитетов – независимая американская еврейская правозащитная организация с центрами мониторинга в России и шести странах СНГ. Организация занимается мониторингом и распространением информации по проблемам антисемитизма, ксенофобии, национализма и другим нарушениям прав человека начиная с 1970 года.

*Соб. корр.,
по материалам доклада «Антисемитизм, ксенофобия
и религиозные преследования в российских регионах: 1999 – 2000»*

Содержание № 8(80)

Юбилей

А. Пудова, Е. Лазарева. Нам – пять лет – стр. 1

Обсуждается в Москве

Л. Левинсон. Законотворческий процесс в Государственной Думе – стр. 2

Политические и религиозные преследования в СНГ

В. Пономарев, В. Гефтер. Россия снова выдает в Узбекистан политических беженцев, на этот раз активистов исламской партии «Хизб ут-Тахрир» – стр. 16

Методики правозащитного движения

Т. Котляр. Вид на жительство соотечественнику – стр. 17

В регионах

А. Рынков. Ассоциация «ЭГИДА» по защите прав и свобод человека и гражданина – стр. 19

В. Помогаев. Хорошая идея должна развиваться – стр. 20

Интервью

«Когда речь идет о спасении жизней, переговоры ведут даже с террористами» (интервью с Л. Пономаревым) – стр. 21

Анонсы

Соб. корр. «Международная защита прав человека» – стр. 23

Соб. корр. Боязнь «чужих» – стр. 23

Адрес редакции: 103045, Москва, Большой Головин переулок, дом 22, строение 1,
комната 8; 103045, Москва, а/я 31
Тел./факс (095) 207-1776, 207-1632, тел. (095) 207-7404. E-mail: infcenter@mtu-net.ru
Редактор Елена Гришина, ответственный за выпуск Марианна Корсунская

Информационный бюллетень выходит при поддержке National Endowment for Democracy
Распространяется бесплатно